Косоруков А.А.

ЛЮБИМЫЕ ИДЕИ - ЛЕГЕНДЫ - ФАКТЫ.

(Образы Всеслава Полоцкого в летописях, в "Слове о полку Игореве" и образ Вольха Всеславьевича в былинах).

В середине 80-х годов XII века, 85 лет спустя после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича, были известны, как мы надеемся показать, четыре его различных образа, - два в летописях[I] и два в "Слове". Отсюда и пошла разноголосица в понимании фигуры Всеслава историками и литературоведами XIX и XX вв. Суть расхождений и поныне, в основном, остается такой же, как в XII веке. Ф.И.Буслаев, Вс.Миллер, С.М.Соловьев, А.К.Югов, Д.С.Леонардов, Б.А.Рыбаков, Д.С.Лихачев и другие полагают, что в летописях и в "Слове" Всеслав изображен волшебником, чародеем, оборотнем. Они нередко сближают образ Всеслава с былинным героем Вольхом Всеславьевичем. М.А.Максимович, А.А.Потебня, В.Ф.Ржига, С.К.Шамбинаго и другие рассматривали этот образ вне связи с мифологией. Одни исследователи (например, Д.С.Леонардов, Б.А.Рыбаков) считают Всеслава положительным героем, другие (например, Д.С.Лихачев) - в общем отрицательным.

I. Летописные образы Всеслава.

Различия между древнейшими ветвями русского летописания, - киевской и новгородской, - проявились и в изображении Всеслава

I Полоцкое летописание не сохранилось. Все, что известно о Всеславе в письменных древнерусских источниках, исчерпывается сведениями, содержащимися в ПВЛ, в новгородских и псковских летописях и в "Поучении" Владимира Мономаха.

Полоцкого[1]. Рельефно выступают они при сравнении "Повести временных лет" (ПВЛ), в которой наиболее ярко выражена киевская точка зрения на Всеслава, с Никоновской летописью, в которой, как ни странно, наиболее ярко) [redacted] отражен традиционно новгородский взгляд на него.

I. Запись под 1044 годом о рождении Всеслава - опорный столб всех, кто склонен трактовать литературный образ полоцкого князя в мифоэпическом духе: "В се же лето умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, седе на столе его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: "Се язвено навяжи на нь, да носить до живота своего", еже носить Всеславъ и до сего дне на собе; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье"[2].

ПВЛ, как и другие летописи, - произведение многосоставное, и по содержанию, и по слогу. В отрывке из статьи под 1044-м годом, который приведен выше, различимы три части: 1) сведения о смерти полоцкого князя Брячислава, рождении и вокняжении его сына Всеслава, изложенные протокольно сухо, с безоценочной, бесстрастной интонацией, - от начала до слов„ его же роди..." 2) краткое повествование о рождении Всеслава, с элементами художественности, с передачей прямой речи, - от слов "его же роди..." до слов "еже носить..." и 3) отсюда и до конца - комментарий летописца, в котором резюмируется смысл второй части.

I Шахматов А.А. "Разыскания о древнейших русских летописных сводах". С.-Петербург, 1908. С.539-629.

2 Памятники литературы Древней Руси, 1978. М., с.168. (дальше: Памятники...).

Приблизительно с середины XIX в. и поныне неизменное внимание исследователей привлекают три следующих предложения: "его же роди мати отъ вълхвованья", "бысть ему язвено на главе его", и "се язвено навяжи на нь, да носить до живота своего". Как-то так повелось, что исследователи считают само собой разумеющимся смысл рождения "отъ вълхвованья". Для тех, кто толкует образ Всеслава как образ человека, обладавшего сверхъестественными способностями, типичен подход Д.С.Лихачева и О.В.Творогова, продемонстрированный в "Памятниках..."[I] (с.169 и с.438). Выражение "отъ вълхвованья" Д.С.Лихачев перевел буквально "от волхвованья", и имел на это полное право: любая попытка раскрыть смысловое содержание древнерусского выражения превращается в многословное пояснение, а это - дело комментатора О.В.Творогова, а не переводчика. Приводим комментарий[I]: "Характерно, что и летопись, и "Слово" связывают Всеслава с потусторонними силами: он рожден "от волхвованья", у него "веща душа", он за ночь "изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя". Явный недостаток комментария в том, что он сам нуждается в комментарии. Ни летописи, ни "Слово о полку Игореве" не дают оснований для безоговорочной констатации связи Всеслава со сверхъестественными силами. Анализ точки зрения Автора "Слова" мы сделаем в главе IУ-й, а сейчас рассмотрим позицию летописца. Он, несомненно, верил в то, что волхвы могут вступать в связь с нечистой силой и с ее помощью влиять на людей, "портить" их. Именно их волхованью-колдовству приписывает летописец жестокосердный характер Всеслава. Но ни в одной летописи не найдем мы ни одного свидетельства или даже намека на связь самого Всеслава со сверхъесте-

---

I Памятники..., с.169.

ственными силами. Не можем мы, - при всем желании, - предложение "его же роди мати отъ вълхвованья" истолковать в том хтоническом смысле, как обычно понимается рождение богатыря Вольха Всеславьевича от земной женщины и змия. Отец и мать, родители Всеслава Полоцкого, известны летописцу.

Единственным бесспорным результатом волхвованья над будущим половецким князем было "язвено". Это слово толкуется исследователями то как родимое пятно, то как пленка (от последа), то как сорочка. Символический смысл слова "язвено", хорошо известный по пословице (родиться в сорочке - родиться счастливым, везучим, удачливым), видит в нем Д.С.Лихачев . Тем самым он придает "язвену" значение амулета-оберега от бед и несчастий. Такое истолкование получает поддержку в действиях матери и сына: мать, послушавшись волхвов, привязала "язвено" к телу сына, который и носил его на себе, скорее всего, до конца своей жизни[I]. Такое истолкование не противоречит историческим фактам: родившийся в сорочке Всеслав счастливо (и не раз) "выходил сухим из воды", - из таких передряг, которые, казалось, должны были непременно погубить его. И жизнь свою он закончил в любимом Полоцке, сидя на княжеском золотом столе.

Летописец[2], однако, совершенно иначе понимает воздействие волхвов и значение "язвена", видя во всем этом причину ("сего ради") жестокосердия Всеслава ("немилостивъ есть на кровьпро-

---

I У Всеслава не было христианского имени, значит, он не был крещен, и, естественно, не носил на себе креста.

2 Слово "летописец" употребляется в собирательном значении. Исключения будут оговариваться.

литье"). Мы не можем согласиться с летописцем, потому что он в дальнейшем не приводит примеров этой особенности натуры Всеслава. Даже если летописец имеет в виду не кровожадность князя, каким его по сей день почему-то считают многие историки и литературоведы, а всего лишь отсутствие жалости и сострадания к проливающим свою кровь на поле брани, то и такой взгляд на характер Всеслава не подтверждается фактами. В то далекое время он, подобно подавляющему большинству русских князей, грабил и поджигал завоеванные города, люто бился в бою, - и это было нормой поведения, а не языческим ее попранием. Другое дело, что позицию летописца можно понять как проявление его неприятия любого волхвованья, как скрытую полемику со сторонниками язычества и особенно с волхвами, от которых, по его убеждению, исходит всяческое зло, - подобная тенденциозность летописца легко прослеживается и в XI и в XII веках. Понятно и другое: сведения о рождении Всеслава летописец взял из какого-то другого источника (им могла быть легенда о Всеславе или пропавшая Полоцкая летопись), который ему нужен как удобная мишень, как повод для того, чтобы взвалить на волхвов моральную и религиозную ответственность за дурной нрав Всеслава.

Третья часть летописной записи о рождении и вокняжении Всеслава может пролить свет на время её возникновения. Сообщение о том, что князь носит на себе "язвено", до сего дня", и вывод летописца о жестокой натуре Всеслава свидетельствуют, что между датировкой записи (1044) и действительным временем ее написания лежит значительная временная дистанция. О малолетнем Всеславе летописец не сказал бы, что он "немилостивъ есть на кровьпролитье". Подобную информацию летописец мог получить, вероятнее всего, по-

сле участия Всеслава в каком-либо бою, чего не могло быть ранее 1060 года, когда Всеслав упоминается как участник похода на торков. Однако юный князь вряд ли получил тогда возможность проявить себя на поле боя либо в каких-либо военных распоряжениях, касавшихся судьбы русичей или торков. Другое дело – годы 1065-1078, когда Всеслав развязал и с огромной целеустремленностью вел войну против своих недавних союзников, сыновей Ярослава Мудрого. За эти 13-14 лет полоцкий князь многократно проявлял свой характер с разных сторон, включая и ту, которой летописец придал столь исключительное значение. В этот период Всеслав причинил много зла Руси, вызывая оправданные чувства гнева русских князей и летописцев. В этот период и была, скорее всего, сделана третья, полемическая часть записи под 1044-м годом. Что же касается ее второй и первой частей, то они могли быть внесены в летопись и ранее, - глаголы простого прошедшего времени, которые употребил тут летописец, сохранились бы и в том случае, если бы он описывал события 1044-го года, что называется, по свежим следам.

Летописец был не только искусным литератором, но и тонким психологом, стремившимся расположить к себе читателя, как раз тогда, когда запись могла задеть чувствительные струны его веры. О рождении Всеслава пишется так, что возникает эффект личного присутствия летописца на совете волхвов, собравшемся по этому знаменательному случаю, или, в крайнем случае, возникает эффект получения сведений о событии из первых рук. Ни того, ни другого, конечно, не могло быть из-за враждебных отношений между проповедниками христианской веры и приверженцами язычества. Доверительная манера изложения - всего лишь способ завоевания читательских

симпатий. Этой цели нередко служит также и композиция статьи, когда под одним годом, к примеру, под 1044-м сообщаются как сведения и выводы спорные, так и сведения, достоверность которых не вызывает малейших сомнений (смерть князя Брячислава или выкапывание "из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава"[1], крещение и положение их костей в киевской "церкви святой Богородицы"[1]).

Первая летописная запись о Всеславе Полоцком совпадает слово в слово в киевских и в новгородских сводах. В дальнейшем освещении жизни Всеслава между ними возникнут существенные расхождения, что также будет предметом нашего рассмотрения.

2. За шестнадцать лет летописцы не написали ни слова о Всеславе Полоцком. Это и понятно: вряд ли он мог проявить себя в детском и юношеском возрасте таким образом, чтобы они посчитали его действия событием.

Под 1060-м годом ПВЛ называет Всеслава как участника совместного похода на торков, организованного князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом, сыновьями Ярослава Мудрого. Знаменательный факт! Прошло 6 лет после смерти Ярослава Мудрого, на Руси мир, и жизнь, похоже, подтверждает действенную силу его завета о соблюдении единства Киевской Руси.

Но под 1063 годом читаем тревожное сообщение: "В се же лето Новегороде иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лето пожже Всеславъ градъ"[2]. Под 1065 годом ПВЛ сообщает: "В се же лето Всеславъ рать почалъ". И все. Почему и против кого начал он войну, - не сказано. И вот, как гром

---

1 Памятники..., с.169

2 Памятники..., с.176

среди ясного неба, сообщается под 1067 годом: "Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, - Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, - совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме сущи велице"[1]. Мир на Руси закончился. Недавние союзники стали врагами.

Мы снова убеждаемся, что летописец - искусный литератор и тонкий психолог. Четыре его записи о Всеславе (1060, 1063, 1065 и 1067 годы) дополняют и объясняют друг друга, но чтобы понять это, надо их рассмотреть как единый текст. Лишь теперь становится ясен смысл параллелизма между двумя отдаленными, разнохарактерными явлениями: как река Волхов по неведомой причине[2] опасно потекла вспять, против своего пути, так и князь Всеслав, неожиданно напав на Новгород, пошел против прежнего союза с Ярославичами. Знаменье подтвердилось. Поскольку хронологически его пророческий смысл распространяется не только на Новгород, но и на новую политику Всеслава, постольку мы вправе глухую запись под 1065 годом расшифровать так: Всеслав уже тогда начал междоусобную рать, круто повернув с пути Ярослава Мудрого на путь своих предков, Рогволодовичей. Это подтверждается сообщением второй Псковской летописи о нападении Всеслава на Псков именно

---

1 Памятники..., с.180.

2 Трудно сказать, знал или не знал летописец новгородское сказание о том, что Волхов тогда течет в обратном направлении, когда поперек реки ложится речное чудовище Волх. Скорее всего, знал; он не упомянул о нем тут, похоже, потому, что в силу художественного параллелизма получился бы перенос мифологической причины и на действия Всеслава.

в 1065 году: "... Всеславъ, собрав силы своя многыя, приде ко Пскову и много труждався съ многыми замышлении и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успевъ". Но ПВЛ молчит об осаде Пскова, а лишь упоминает о какой-то "рати" Всеслава в том же году. Историки, помимо псковского, не знают другого похода Всеслава в это время, и, следовательно, можно утверждать, что его-то летописец ПВЛ и имеет в виду. Значит, к этой рати Всеслава прямо относится неодобрительная оценка летописца, иносказательно выраженная в подборке трех неблагоприятных небесных знамений. Одно из них, непосредственно состыкованное с "ратью Всеслава", мы проанализируем, чтобы показать стиль мышления и изложения летописца. Приведем полный текст соответствующей цитаты: "В се же лето (1065 год - А.К.) Всеславъ рать почалъ. В си же времена бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходе солнечнемь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобице многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье"[1].

Летописец прямо говорит, что небесное событие - предупреждение о двух бедствиях: о междоусобных войнах и о нашествии "поганых" на Русь. Он перечисляет четыре отличительных признака звезды, но лишь один из них (кроваво-красный цвет ее лучей) прямо [redacted] истолковывается им как знак кровопролитности бедствий. Почему же не объясняет летописец значенье других признаков? Похоже, он считает их общепонятными. В самом деле, громадные размеры звезды означают, разумеется, огромный размах бедствий, что

1 Памятники... , с.178.

и подтверждается в 1067-68-м годах. Однако не столь ясно, какой смысл заложен (и заложен ли он?) в появлении небесной посланницы именно на Западе и что означают ее "луче... въсходящи съ вечера по заходе солнечнемъ".

Думается, оба признака имели символический смысл, понятный русичу. Хотя агрессия "поганых" шла с Востока, а "усобицы" начинались и на западной, и на южной границах Руси, но только с Западом связано было представление о том, что там где-то находится преисподняя, там обитает сам Сатана, и грешники отбывают там тяжкое наказание за земные грехи. Запад - страна мрака, антипод добра, и, значит, знаменье в той части неба может быть лишь вестником беды. Кроваво-красная, громадная звезда была бы видна на небе и днем, особенно в утренние или предвечерние часы, но тогда ее появление не было бы связано со временем, когда господствуют темные, нечистые силы (с наступлением темноты после захода Солнца) - тогда знамение несло бы в себе внутреннее противоречие, разсогласованность своих признаков, чего, разумеется, быть не может.

Как понять известие о том, что звезда была на небе в течение 7 дней? Буквальное понимание числа 7 применительно к продолжительности предсказанных бедствий приводит к очевидной нелепости. Не согласуется со смыслом явления истолкование семерки в духе христианской экзегетики как символа совершенства или завершенности деяния[I]. Тут возникает и другое сомнение. Допус-

---

I Manfred Lurker - Wörterbuch der Symbolik, Stuttgart, Kröner, 1991 г. Там же отмечено, что число "семь" толковалось так ещё св.Августином (354-430 н.э.)

тим, что летописец знал христианскую нумерологию, но летопись он писал не для себя и не для подобных ему знатоков, а для более широкого круга образованных людей. В их же сознании, а тем более в обыденном сознании русичей бытовало, я думаю, фольклорное представление о числе 7, ясно запечатлённое в пословицах и поговорках и означающее "время-пространство неопределенной длительности"[1]. Такой символический смысл полностью согласуется с общим смыслом знаменья: ни о междоусобных войнах, ни о нашествиях врагов никто не мог заранее сказать, продлятся ли они 7 месяцев, 7 лет или 7 лет и 7 месяцев и т.д.

Для нашего исследования важно отметить, что летописец ПВЛ из двух бедствий на первое место ставит междоусобные войны, и, что он, разумеется, должен осуждать поход Всеслава на Псков. Однако ПВЛ сообщает о походе нейтрально-кратко, умалчивая о полной неудаче Всеслава.

Два года сыновья Ярослава не предпринимали ответных военных действий против Всеслава, надеясь, возможно, что его образумит провалившаяся осада Пскова. Но чаша их терпения переполнилась, когда они узнали, что Всеслав захватил и частично сжег Новгород, в котором княжил Мстислав, сын Изяслава Ярославича. Знали они, конечно, и о том, что Всеслав разграбил новгородский храм Св.Софии и снял с него колокола[2]. Это святотатство, о кото-

---

I Тут я опираюсь на свои, ещё не опубликованные наблюдения над символикой ряда чисел в русском фольклоре.

2 В Никоновской, Софийской I-ой, Новгородской I-ой мл. извода эти сведения есть.

ром в ПВЛ не сказано ни слова, было вызывом религиозно-государственным началам устроения Руси, над укреплением которых усердно потрудился Ярослав Мудрый. Понятно, Ярославичи не могли оставить оскорбление без ответа, и, объединив силы для решительной битвы, двинулись против Всеслава. Мир стоит до рати...

Ожесточение противоборствующих княжеских "гнёзд" достигло кровавого накала, о чем свидетельствует следующая запись в ПВЛ: "И придоша к Меньску (это Минск, город во владениях Всеслава, - А.К.), и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеславъ поиде противу"[1]. Минск обезлюдел. На жестокость Всеслава князья-братья ответили жестокостью, на варварство - варварством. Колесо мести закрутилось. Военно-политическая ситуация определилась, но ситуация летописная замутилась.

ПВЛ под 1067 годом не сообщила ни о поджоге Новгорода Всеславом, ни о разграблении им знаменитого новгородского храма[2]. Возникло явное, непонятное противоречие: Киевский летописец-христианин притеняет и замалчивает факты, обличающие антихристианские и просто бесчеловечные действия князя-язычника, в то время как о жестокости его противников, продолжателей дела Ярослава Мудрого, пишет без смягчения, лаконично и сильно. Читатель озадачен. Он ожидал продолжения летописной тенденции, -

---

1 "Памятники...", с.180.

2 "Приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ детьми, и до Неревьскаго коньца пожьже, и колоколы съима Святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тый! и паникадила съима, и

заступничества за князей-братьев и суровой критики Всеслава.

Нейтральный рассказ летописца ПВЛ о первой битве Ярославичей со Всеславом на Немиге не рассеивает недоумение читателя. Скорее, наоборот, потому что победа Ярославичей приглушается: "И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же беже"[1]. Было бы ошибкой думать, будто летописец ПВЛ именно так, не поддерживая ни одну из сторон, описывает все междоусобные битвы, поскольку в принципе осуждает их как дьявольское наущение. Увы, это не так. И в ПВЛ много тому примеров[2]. На их фоне позиция стороннего наблюдателя, занятая тут летописцем, видится мнимо объективной, лукавой, рассчитанной на скрытую защиту достоинства Всеслава, потерпевшего тяжелое поражение, которое летописец мог бы по справедливости оценить как божье наказание за то, что Всеслав развязал междоусобную войну. Мог бы, если бы последовательно придерживался одних и тех же критериев истины. Грустный парадокс состоит, однако, в том, что, ревностно распространяя христианское учение, киевский летописец полагал возможным и целесообразным в интересах его утверждения не только исключать из истории неугодные события, но, как мы убедимся позднее, порой и

(продолжение к сноске 2 с.12) отъиде" (цитируется по реконструкции А.А.Шахматова "Новгородский сводъ 1050 года съ продолжениями до 1079 года", опубликованной в книге "Разыскания о древнейшихъ русскихъ летописныхъ сводехъ", С-Пб., 1908, с.627-628).

1 Памятники..., с.180.

2 Там же, с.156, 160, 161, 195-196 и др.

добавлять вымышленные факты, которые, по его мнению, служили этим интересам. Решение задачи облегчалось для него тем, что он, как правило, писал историю задним числом, нередко по воспоминаниям или рассказам других лиц. Жизнеописание Всеслава может быть ярким примером того, что летописец сознавал себя не только свидетелем, но и сотворцом истории.

Преднамеренное, необъективное освещение псковского и новгородского походов Всеслава может быть понято, если взглянуть на них в свете того, что в последующие два года сообщили о Всеславе киевские и новгородские летописи.

10 июля 1067 года случилось событие, логически непротиворечивое истолкование которого представляется абсолютно невозможным, если считать Всеслава волшебником. "По семь же (после разгрома Всеслава на Немиге – А.К.), месяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, целовавше крѣсть честный къ Всеславу, рекше ему: "Приди к намъ, яко не створимъ ти зла". Он же, надеявъся целованью креста, переѣха в лодьи чересъ Днепръ. Изяславу же в шатеръ предъидущу, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше кресть. Изяславъ же приведъ Всеслава Киеву, всади и в порубъ съ двема сынома"[1]. Факты убедительно говорят: язычник Всеслав поступил как христианин, а Ярославичи, главные защитники христианства (среди князей), проявили себя клятвопреступниками, поправшими один из основных христианских символов. Летописец не дает никакого объяснения поведению князей в статье под 1067-м годом. Можно было бы сказать, что события застигли его врасплох, если бы он писал лето-

---

1 Памятники..., с.180.

пись по горячим следам. Но он писал ее много лет спустя и потому хорошо знал, что следующий год дал ему необходимые факты и аргументы для убедительного истолкования предыдущих событий с христианской точки зрения. И летописец превосходно воспользовался этой возможностью в статье под 1068 годом.

В этот год на Русь снова вторглись половцы, нанесли тяжелое поражение объединенным силам Ярославичей и принялись жестоко разорять города и веси. Возникла настоятельная необходимость объяснить причины столь неожиданного бедствия. Летописец видит их в том, что Русская Земля лежит в грехе, переживает время Божьего гнева. "Наши грехи"[1] летописец распространяет на всех и на себя тоже, но главная вина возлагается на князей. Их критику он облекает в одежды иносказания. Никто из ослушников Бога и отступников не называется по имени, но летописец создает сеть нравоучительных параллелей между их прегрешениями (преступлениями) и взятыми из Библии мудрыми поучениями, которыми Бог "говорит нам через пророка"[2]. Летописец явно рассчитывает на то, что читатель, сопоставляя поступки князей с библейскими цитатами, сам определит, что к кому относится. Чтобы показать словесное искусство летописца, приведу три его параллели: одну, адресованную преимущественно Ярославичам, одну - им и Всеславу, и одну - всем "неправедно живущим". Первая: адресат угадывается легко, хотя обвинение против князей упрятано внутрь длинной цитаты: "Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, - говорит господь, - и соблазнили многих";

---

1 Памятники..., с.180.

2 Там же, с.181.

поэтому: "Буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишающих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды"[1] (подчеркнуто мною - А.К.). Вторая: "... междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна"[2], которому, выходит, поддались как Всеслав, так и Ярославичи, усугубившие его агрессию своим вероломством. Третья: "... обратимся к покаянию, не воздавая злом за зло, ... постом, и рыданиями, и слезами смывая все прегрешения наши, - не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники"[3]. И далее приводятся примеры широкого распространения двоеверия в народе.

Нашествие половцев стало самым тяжким наказанием народа и его правителей за отступление от Бога. Кроме того, на головы главных грешников - князей Изяслава и Всеслава - обрушились дополнительные несчастья. Изяслав был свергнут восставшими киевлянами с княжеского престола, его терем разграблен, а сам он бежал в Польшу. Всеслав 14 месяцев просидел в земляной тюрьме, однако, затем, по убеждению летописца, Бог воздал ему должное за веру в святость честного креста: после изгнания Изяслава киевляне провозгласили Всеслава великим князем Киевским: "Богъ же показа силу крестную на показанье земле Русьской, да на преступить честнаго креста, целовавше его; аще ли преступить кто, то и зде приметь казнь и на придущемь веце казнь вечную"[4]. Чтобы

1 Памятники..., с.183. Ввиду сложности текста для современного читателя, цитирую перевод, а не оригинал.

2 Там же, с.183.

3 Там же.

4 Там же, с.186.

утвердить читателя в истинности такого хода вещей, киевский летописец приводит свидетельство якобы самого Всеслава: "В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: "О кресте честный! Понеже к тобе веровах, избави мя от рва сего"[1]. Охранительный умысел летописца по отношению к Всеславу наконец-то вполне прояснился: односторонне-последовательно подбирая и редактируя все сведения о Всеславе, начиная с 1063-го года, летописец исподволь создавал задуманный образ князя-язычника от рождения, преобразившегося в идеального христианина. Ради этой высокой цели летописец сочинил внутренний монолог Всеслава, - вполне в духе профессионального литератора. Но где тонко, там и рвется. В самый ответственный момент его подвела память, и в тексте летописной статьи образовалось внутреннее противоречие, которое породило сомнение в ее достоверности.

Рассказывая об освобождении Всеслава из земляной тюрьмы, летописец отметил, что оно произошло 15 сентября[1], но затем, в монологе Всеслава, эта дата сместилась на день раньше[2]. Просчет, думается, можно объяснить психологически: летописцу, конечно, очень хотелось, чтобы подтверждение великой силы Святого Креста было продемонстрировано в день празднования его обретения и вызволения из плена. В увлечении он и не заметил саморазоблачительной оплошности.

Мог ли летописец, создавая образ Всеслава - обращенного язычника, обойтись без его внутреннего монолога? В том-то и де-

---

1 Памятники..., с.184.

2 Памятники..., с.186. Праздник Воздвижения Креста Господня отмечается церковью 14 сентября, когда, по словам Всеслава, Бог вызволил его из "рва сего", т.е. из земляной тюрьмы.

ло, что не мог. Ни в коем случае. Согласие Всеслава на встречу с Ярославичами, которые поклялись на кресте не причинять ему вреда, освобождение Всеслава из поруба и его провозглашение Киевским князем, - все эти события могли быть тогда объяснены двояко: либо Божьей волей, либо волей языческих богов[I]. Доверие Всеслава к Ярославичам, целовавшим крест святой, само по себе не могло быть свидетельством крепкой христианской веры Всеслава. Оно говорило о другом: о вере Всеслава в добропорядочность христианской репутации сыновей Ярослава Мудрого, и о политической неопытности молодого полоцкого князя. Мнимо великодушное предложение Ярославичей было принято им за чистую монету, за достойный для себя выход из унизительного положения, в котором он оказался после поражения на Немиге.

У летописца не было фактов, которые однозначно свидетельствовали бы о крепкой вере Всеслава в силу Св.Креста. Столь необходимое летописцу бесспорное подтверждение христианского преображение души Всеслава могло дать лишь его личное христианское истолкование спасительного поворота в своей судьбе. Именно для этого и был, я полагаю, сочинен внутренний монолог Всеслава. И лексика, и смиренно-кроткая интонация монолога совершенно не вяжутся с образом князя-бунтаря, поднявшего меч кровопролитной междоусобной войны. Летописец, несомненно, понимал это; ведь окончательная редакция статьи под 1068-м годом была сделана после смерти Всеслава, когда была хорошо известна вся его жизнь, далекая от христианского идеала. И тем не менее монолог был

I Есть и более позднее, третье объяснение. Историки и литературоведы безрелигиозного периода в истории Руси находят для [redacted] упомянутых событий прагматические причины.

сохранен. Почему?

Замысел летописца можно реконструировать примерно так. Языческим богам успешно противостояла Святая Троица, вере в бесов и духов – вера в святых и мучеников. Но образы священного уровня не восполняли одной острейшей духовной потребности времени,–– дать земной и мирской положительный пример, который привлекал бы к христианской вере русичей-язычников. Конечно, в Библии и в книгах святых отцов есть такие примеры, но, как всюду и всегда, нужен свой, родной, современный. Жизнь Всеслава давала хороший исходный материал для осуществления замысла. Летописец мог, конечно, и иначе подойти к идее создать свой образ Всеслава. Не в этом суть. Им, видимо, ощущалась необходимость обновления арсенала православия образом князя-язычника, ставшего образцовым христианином. Именно князя, потому что XI-ый век дал множество опаснейших для Руси примеров нарушения князьями христианских заповедей. Сама идея сотворить такой образ могла быть подсказана Деяниями Апостолов, тем более, что один из обращенных ими язычников носил имя Симон Волхв[2]. Но она могла возникнуть у летописца и независимо от Деяний, поскольку, что называется, носилась в воздухе. Заметим, кстати, что в то время вера в чудеса была всеобщей, и к мгновенному преображению души в результате крещения или вследствие иных причин люди относились как к общепонятной норме.

Idée fixe, овладевшая летописцем ПВЛ, удовлетворительно объясняет все странности и пропуски в биографии полоцкого кня-

---

I Памятники..., с.186.

2 Он был известен летописцу: Памятники..., с.192.

зя. Когда факты входили в непримиримое противоречие с замыслом летописца, то эту старую-престарую дилемму, - невыгодные факты или любимая идея, - он снимал (ему мнилось, что снимал) жертвой фактов. Таким путем и такой ценой летописец согласовывал историю жизни Всеслава со своим замыслом.

Бросается в глаза, что ПВЛ ничего не сообщает о делах Всеслава, великого князя Киевского, и даже оставляет без ответа важнейший вопрос, который возбудил сам летописец: получили ли киевляне после изгнания Изяслава "оружье и кони"[1] и бились ли они второй раз против половцев? Летописец, похоже, сознавал, что эти умолчания надо объяснить. Ведь читатель вряд ли поверит, что деятельнейший Всеслав семь месяцев просидел на престоле, словно в темнице, без всякого дела. И вот летописец тонко подводит читателя к мысли, что Всеслав всецело был погружен в переживания своей новой, христианской веры. Монолог князя должен был продемонстрировать также и это состояние его души. Та же мысль, думается, неявно содержится и в кольцевой композиции летописной записи. Начальное словесное клише "кънязь седе въ...", почти дословно повторенное в конце[2], явно нажимает на глагол "седе" и на краткий срок княжения-седения. Если спроецировать, как того требует композиция, содержание обоих клише на содержание записи, то снова возникает подсказанная летописцем мысль о христианском самоуглублении новообращенного язычника в течение всего периода его киевского княжения.

I Памятники..., с.164. В главе о "Слове о полку..." мы дадим свое истолкованье этой записи.

2 В ПВЛ я не нашел подобного случая, когда словесная формула "кънязь седе в..." так нарочито повторялась бы.

Мы старались показать, что охранительный умысел летописца облечен в искусно скроенные литературные одежды, которые, казалось, навсегда прикрыли от критики киевское княжение Всеслава. Но одно противоречие, возникновение которого летописец не мог предположить, время от времени тревожило [redacted] исследователей древнерусской истории и литературы. "Слово о полку Игореве" ясно свидетельствует, что Всеслав, верный своей натуре, развил на Киевском престоле бурную, разнообразную деятельность. Огромная трудность, однако, состояла в том, чтобы раскрыть конкретно-историческое содержание этой деятельности. Долгое время ученые никак не могли выйти из круга догадок и предположений. И вот в 1985 году круг был разорван. Вопрос о содержании великокняжеской политики Всеслава был поставлен на почву фактов и получил убедительное разрешение в статье В.А.Кучкина "Слово о полку Игореве" и междукняжеские отношения в 60-х годах XI века"[1]. Он показал, что Всеслав, будучи Киевским князем, эффективно проводил свою прежнюю политику разжигания междоусобиц, сумев втянуть в нее Святослава и Всеволода Ярославичей на основе заключения с ними обоюдовыгодного соглашения за счет интересов бежавшего в Польшу Изяслава. Сын Всеволода, Владимир, получил Владимир Волынский, сын Святослава, Глеб, - Новгород, а Всеславу оставался Киев, Полоцк и, возможно, Тьмуторокань.

Открытие Кучкина В.А. пролило свет на многие события конца 60-х - начала 70-х годов XI века, что и показано в его статье. Думается, понятней стали причины глухого молчания ПВЛ и других летописных сводов о киевском княжении Всеслава. История

I Вопросы истории, 1985, № II, с.19-36.

снова поставила летописца перед прежней дилеммой (факты или любимая идея), но развернутой по более широкому спектру его пристрастий: либо разоблачить сделку Всеслава со Святославом и Всеволодом, означавшую попрание заветов Ярослава Мудрого, либо умолчать о ней. Летописец принес в жертву факты, но сохранил свой образ Всеслава. Летописец не просто опустил факты, но заменил их идеологической проповедью о преображении языческой души Всеслава и о силе креста. Такой метод редактирования истории дожил до наших дней.

Если взглянуть на киевское княжение Всеслава критически, окажется, что они ничего не сделал для Бога и для церкви, хотя его душа будто бы была к этому готова. Увы, новая вера Всеслава оказалась мертворожденной. Это значит, что на самом деле ее не было. На самом деле летописец сочинил внутренний монолог якобы обращенного князя-язычника для духовного вооружения церкви и для идейного уничтожения молвы о Всеславе-язычнике, думая, видимо, вышибить клин клином, - не голой анафемой, не пустотой умолчания, а трогательной христианской исповедью самого князя.

Княжение Всеслава в Киеве закончилось столь странно-неожиданным поступком, что летописец почел за лучшее отказаться от какого-либо комментария. Когда князь Изяслав вернулся на Русь с войском польского короля Болеслава, своего тестя, "Всеславъ же поиде противу. И приде Белогороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыян , беже из Белагорода Полотьску"[1]. О мотивах бегства Всеслава летопись молчит, но мы можем представить их себе довольно отчетливо, исходя из его характера и из его новой политики. Расчет или страх руководил им? Всеслав не был трусом, и, потому, думается, надо отклонить все объяснения его поведения под

I Памятники..., с.186

Белгородом, которые основываются на предположении о его боязни потерпеть поражение от войск Болеслава и Изяслава. Будем придерживаться фактов. Всеслав не захотел ввязываться в войну за Киевский "злат стол": целью его междоусобной политики было не овладение этим столом, а противодействие объединительной стратегии Ярослава Мудрого. Убегая от киевлян в родной Полоцк, он знал, что на киевском троне, он уже сделал всё, что ему было надо: поссорил Ярославичей, ослабил их и тем самым усилил себя и свое княжество. Своим бегством Всеслав открыл Изяславу путь на главный стол в Руси, в надежде, что Изяслав, вернув себе власть, постарается затем вернуть себе и своим сыновьям все, что принадлежит им по праву старшинства и что Святослав со Всеволодом взяли себе во время его польского изгнания.

История показала, что расчет Всеслава оказался верным. Изяслав, конечно, начал с мести Всеславу, изгнав его в 1069 году из Полоцка. Но на Полоцк он ходил один, без братьев, которые, судя по всему, избрали тактику выжидания: городов, данных им Всеславом, они Изяславу не возвращали и своих войск ему в подмогу не посылали.

Всеславу не только удалось убежать от Изяслава, но он сумел в том же году найти общий язык с финским племенем вожан, дружины которых, возглавляемые Всеславом, 23 октября напали на Новгород. ПВЛ молчит об этом походе, потому что он закончился разгромом вожан и пленением Всеслава, а еще и потому, что образ идеального христианина абсолютно не совмещается с образом честолюбивого предводителя языческого племени. Разумеется, новгородские летописи не упустили случая отметить разгром Всеслава[1].

---

1 "О, велика бяше сеча "Вожаномъ! и паде их бещисльное

Второй раз Всеслав оказался в плену у своих противников, однако, новгородский князь Глеб, сын Святослава Ярославича, не передает Всеслава в руки своего дяди, киевского князя Изяслава, а отпускает на свободу "Бога деля", - может, потому, что Глеб стал княжить в Новгороде не без поддержки Всеслава в бытность его Киевским князем, но, скорее всего, причина была другой. Открытие В.А.Кучкина позволяет на нее взглянуть по-новому. Даруя Всеславу свободу, Глеб знал, что он снова устремится на борьбу с Изяславом, захватившим Полоцк. Эту цель, вероятно, Глеб и преследовал, будучи заинтересованным в ослаблении обоих князей-соперников и в сохранении Новгорода за собой. Формула "Бога деля" лишь прикрывала военно-политический расчет Глеба. Если б Глеб выдал Всеслава Изяславу, то это, несомненно, было бы шагом к примирению Ярославичей. Но Глеб поступил иначе, и, надо думать, что Изяслав понимал истинные мотивы его "христолюбия" к своему противнику.

Изяслав один продолжает борьбу против Всеслава, который опирался на поддержку полочан, с переменным успехом. В 1071 году Ярополк Изяславич побеждает Всеслава под Голотическом, и затем около двух лет в Полоцке, надо полагать, снова княжит Святополк Изяславич. Однако в 1073 году Святослав и Всеволод изгоняют Изяслава из Киева, заподозрив его в направленном против них сговоре со Всеславом. В эту оправдательную версию летописец не верит. ПВЛ прямо обвиняет Святослава, получившего Киевский Стол, в том,

---

(продолжение сноски со стр. 23) число; а самого князя отъпустиша Бога деля". Этот текст читается в Никоновской, Софийской I и Новгородской IV-й летописях.

что он захотел "большей власти", и обоих братьев – в нарушении отцовского завета. Второе изгнание Изяслава его младшими братьями мы можем считать стратегической победой Всеслава, торжеством его сепаратистской политики.

Всеслав вернулся в Полоцк, где и княжил до своей смерти. Мы узнаем это не из летописей, которые после 1074 года вплоть до года его кончины не сообщили о нем ничего, а из "Поучения" Владимира Мономаха. Во второй половине 70-х годов борьба между Всеславом, сыновьями Ярослава Мудрого снова обострилась, но ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Владимир Мономах трижды ходил на Полоцк (один раз с половцами), но взять его не смог. Всеслав пытался захватить Новгород (в третий раз) и Смоленск, но также потерпел неудачу. Однако общий итог борьб[redacted]ы Всеслава с центральной киевской властью был в его пользу: Полоцкая земля отложилась от Руси, жила и управлялась как полностью независимое княжество. Этому способствовало обострение отношений между Русью и Степью и расширение междоусобных распрей [redacted] русски[redacted]х княз[redacted]ей в 80-е и 90-е годы, которым [redacted] поэтому не хватало сил на приструнивание непокорного Полоцка. Правда, Всеславу не удалось осуществить свои планы полностью. Все его захватнические походы окончились безрезультатно: Псков, Новгород и Смоленск не попали под его влияние, оставшись "под рукой" Киева. Мне кажется верной мысль П.В.Голубовского о том, что Всеслав замышлял подчинить Полоцку все области древнего расселения кривичей[1], частично подпавшие позднее под власть Смоленска,

---

1 П.В.Голубовский "История Смоленской земли". Киев, 1985. с.260-263.

Пскова и Новгорода, но попытка повернуть историю вспять провалилась.

3. Если новгородские летописи прочитать отдельно, не заглядывая в ПВЛ, то у читателя сложится вывод, что новгородскому летописцу была чужда киевская идея обращения Всеслава в христианство. Поэтому новгородец не скрывает фактов, свидетельствующих о жестокости Всеслава и о поругании им христианских святынь, и не заимствует из Древнейшего киевского свода монолога о христианском преображении полоцкого князя[1]. Если мы еще примем во внимание предположение А.А.Шахматова, что именно новгородскому летописцу изначально принадлежит рассуждение о рождении Всеслава от волхвованья[2], то позиция новгородца определится вполне ясно: он считал полоцкого князя воителем против христианства.

Когда в позднейшие новгородские своды также были внесены киевские записи о вере Всеслава в силу "честного креста", якобы круто изменившей судьбу князя, то они вошли в резкое противоречие с его первоначальными языческими характеристиками. И образ Всеслава... развалился? Сегодня мы склонны делать такой вывод. Однако логичнее, историчнее было бы сделать заключение

---

1 Срв. статью под 1068 годом в этом своде и в 1-м Новгородском по реконструкции А.А.Шахматова.

2 Шахматов А.А. - "Разыскания...", § 290. Эта запись была, конечно, нужна и летописцу киевскому, и летописцу новгородскому. Я полагаю, А.А.Шахматов прав, приписывая ее новгородцу, так как ПВЛ она более устраивала без обвинительной концовки, в которой напротив, новгородский летописец остро нуждался для объяснения жестокости Всеслава.

в духе тогдашнего двоеверного времени. Подобно тому, как христиане Ярославичи нарушили клятву крестоцелования, исходя из предпочтения своих военно-политических и личных интересов религиозно-нравственным догматам, князь - язычник Всеслав произносил христианские речи, чтобы выйти из пожизненного тюремного заключения и продержаться некоторое время на Киевском престоле. Что же до его веры в то, что Ярославичи не нарушат клятвы, то тут он ошибся, заплатив за это 14-месячной тюрьмой. Однако в дальнейшем именно эта ошибка, похоже, возвысила его в глазах киевлян, и в критической ситуации они избрали Всеслава своим князем. Они тоже ошиблись, доверившись хитроизворотливому язычнику, - позднее им пришлось искупать свою вину жизнями многих десятков людей.

Биография Всеслава, если судить о ней по новгородским летописям, в которых нет предвзятой редактуры известий о его антихристианских поступках, прочитывается в целом как биография буйного князя-язычника, яростно бросившегося на штурм нового устроения государства с его центральной идеей единого бога - отца всех верующих и старшего великого князя-отца всех подданных. Этот вывод не подрывает и запись о преображении души Всеслава, поскольку очевидно из всей совокупности фактов, что киевское княжение нисколько не изменило ни его последующей политики, ни, следовательно, его души.

4. Сухое сообщение о смерти Всеслава, по форме повторяющее известие о смерти его отца, примечательно лишь нежеланием летописца хоть словечком оценить жизненный путь некогда образцового христианина. Всеславу не вынесено и порицания, но, думается, только потому, что оно подорвало бы читательское доверие к преоб-

ражению его души 33 года назад. И хотя летописец ПВЛ из 57 лет княжения Всеслава полностью проигнорировал 47, все же он умелой редактурой и интерпретацией немногих пригодных фактов худо-бедно осуществил свой замысел - создал образ князя, добровольно отказавшегося от языческой веры. Конечно, факты, имеющиеся в новгородских и псковских летописных сводах, разрушают образ Всеслава-христианина, склоняя мысль к тому, что он действовал в согласии со старой верой. Возможно, однако, что он не признавал всерьез и языческих богов, не верил ни в чох, ни в сон, а лишь в свою силу и удаль. Подобный тип рисковых князей есть в древнерусской литературе, не говоря уж об образах богатырей в русском эпосе.

П. Образ былинного Вольха Всеславьевича

Ныне общепризнано, что былина о Вольхе Всеславьевиче[1] принадлежит к древнейшему циклу русского эпоса. В принципе я раз-

---

I Известно одиннадцать списков былины, из которых 7 можно считать фрагментами. Цитаты будут, как правило, приводиться из былины по "Сборнику Кирши Данилова" (М., Наука, 1977). Исключения будут оговариваться.

Героя былины мы будем называть (принято - Волх Всеславьевич) Вольх Всеславьевич, хотя у него есть и другие имена - Вольга Буславлевич, Волх Сеславьевич, Вольга Святославьевич, Вольиа Всеславлевич). Имя "Вольх" встречается в былине гораздо чаще, чем имя "Волх".

деляю взгляд В.Я.Проппа[1] на былину о Вольхе и нахожу убедительными его доводы в пользу того, что первоначальный состав этой, пожалуй, самой многослойной былины сложился в охотничью эпоху. Мифологическая первооснова былины проявилась в ней в ряде древнейших образов и жизненных подробностей.

В.Я.Пропп оправданно видит в грандиозной картине рождения Вольха от княгини и змея поэтизацию тотемизма, а в описании охоты Вольха - оборотня еще одно доказательство глубокой архаичности эпоса. Дело в том, что охота Вольха - это его образ жизни и единственный источник жизненных благ для дружины, а не мужественное охотничье удальство, которым увлекались князья в эпоху Киевской Руси. Характерно также, что Вольх охотится один и один кормит-одевает всю свою дружину. За этим фактом стоит, думается, новая, мезолитическая эпоха: время коллективной, облавной охоты (палеолит) прошло, и появились возможности для удачной охоты в одиночку, а с ними и вера в огромные силы и способности человека, мифологически переосмысленная и приподнятая до уровня "премудрой науки" оборотничества.

Былина о Вольхе - уникальное явление русского героического эпоса: в ней очевидны напластования нескольких эпох в его развитии. Парадоксально, но факт: сюжетно охота включена в поход Вольха на Индейское царство[2] в качестве его первой части. Налицо контаминация разновременных слоев эпоса, относящихся к

---

1 В.Я.Пропп - "Русский героический эпос". М., 1958, с.70-75.

2 В других редакциях - на Золотую Орду или на Турец-землю.

мезолиту и ко времени раннегосударственных объединений. В былине между охотой и собственно походом лежит еще один пласт наслоений, представленный в сюжете разведкой сил противника и его предварительным разоружением. По содержанию – это военные, тактически-стратегические действия, не имеющие отношения к охоте, но по средствам осуществления они отражают мироощущение сказочного охотника. Вольх преодолевает все преграды и достигает своих целей, оборачиваясь то туром-золотые рога, то соколом, то "горностаем", портящим все боевое оружие в подвалах царя.

Сказочные мотивы ослабевают, но не исчезают вовсе и тогда, когда охота прекращается, и дружина устремляется на Индейское царство. К ним можно отнести живописное перевоплощение Вольха и его дружины в мурашиков, пролезших под непреодолимыми воротами царства, а там, за воротами, Вольх снова

"Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею сталью збруею со ратною"

Разновременными напластованиями убедительно объясняются многие алогизмы и противоречия в былине.

Подобно другим былинным богатырям у Вольха есть богатырское вооружение эпохи Киевской Руси – "латы булатные", "злат шелом", "тяжка палица свинцовая". Но иногда в духе волшебных сказок Вольх просит дать ему все это ... в колыбель. Получив богатырское оружие, Вольх, однако, никогда не пользуется им – ни на охоте, ни на войне. Оно не нужно ему, потому что он всего добивается волшебством. Былина даже не упоминает о том, что он носит с собой какое-либо оружие.

В былине о Вольхе мирно сосуществуют факты и представления, относящиеся к различным эпохам. Весьма показательно его обучение различным "наукам":

"А и будет Вольх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учитца,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила ево уже пером писать,
Писмо ему в наук пошла".

Очевидно, эти стихи могли возникнуть только после принятия христианства и распространения письменности на Руси. Научившись читать и писать пером, Вольх в 10 лет "поучился ко премудростям", то есть, как поясняет былина, оборотничеству. Соединяя в общий курс обучения христианскую грамоту и языческое волхвованье, творцы былины не замечают в этом противоречия.

В былине нет абсолютной хронологии, пришедшей на Русь с христианством. Житейски - прагматическое исчисление времени ведется лишь относительно каких-либо природных явлений (день-ночь, ранний-поздний возраст и т.п.), причем оно свободно совмещается с мифосимволическим представлением о времени. Обыденно-привычно для Киевской Руси, что Вольх в 7 лет обучается грамоте, но его разговор громоподобным голосом в полтора часа от роду может быть понят только как факт мифологического сознания.

Значения чисел в былине красноречиво говорят о слиянии мифосимволического и прагматического восприятия времени в единое представление. Счетно-количественное, житейское понимание времени очевидно, когда речь идет об обучении 7-летнего Вольха грамоте. Когда же он 1 1/2 часов от роду просит дать ему палицу

в "300 пуд", то тут, очевидно, оба числа обретают мифосимволический смысл. Не берусь объяснить, почему именно взято $I^{I}/2$, а не 3 или $2^{I}/2$ часа, но что касается числа 300, то мои наблюдения над русскими сказками, былинами, пословицами и поговорками дают основание сделать такой вывод: число IO и кратные ему числа выражают либо идею усиленного однородного единства, либо идею исключительной мощи. Так и в былине о Вольхе. В свою дружину он набирает (в разных вариантах былины) то 30, то 7000, то 40000 молодцев. Разница в численности дружин огромна, но от этого не изменяется их сила, потому что суть дела не в количестве дружинников, а в одинаковой символической мощи этих чисел и их одинаковом семантическом восприятии слушателями.

Возьмем другой и иной пример, в котором счетно-количественное значение числа нераздельно сливается с его метафорическим смыслом. Вольх собирает дружину 3 года, начиная с I2-летнего возраста, и все дружинники, подобно ему, имеют по I5 лет. Сама ситуация полностью вымышлена: князья на Руси не набирали в свои дружины только I5-летних юношей. Число 3 можно рассматривать и как число лет, действительно необходимых для создания дружины из 7000 воинов. Вместе с тем число 3 имеет и сказочно-символическое значение времени, в течение которого завершается подвиг или важное дело. Это значение явственно проступает потому, что в былине Вольха - не богатыри, а "одна ... хлебоясть"[I]. Понятно, что для подбора "хлебоясти" 3 года - чрезмерный срок и что тут число 3 может быть понято только символически. Числа I2 и I5, характеризующие возраст дружинников, пору их возмужания, не случайно, думается, выбраны творцами былины. По аналогии с другими мифологиями эти числа можно считать отголоском

I Цитата из былины "Вольга" (Гильфердинг А.Ф. "Онежские былины", М., 1938, т.2).

давней эпохи славян, когда в таком юном возрасте совершался и завершался обряд инициации.

Странный характер носят отношения Вольха с дружиной. Если в других былинах, где богатырь действует не один, а с дружиной[I], дружина изображается как коллективный герой и достойный помощник богатыря, то в былинах о Вольхе дружинники в самом деле похожи на нахлебников ("хлебоясть"), а не на боевых товарищей. Характерен рефрен былины - "дружина спит, так Вольх не спит", а носится днем и ночью, чтобы одеть и прокормить дружинников. Всю работу по подготовке набега Вольх выполняет один. Такого странного образа дружины мы не найдем в других былинах. Вольх же более похож на языческого бога, чем на предводителя воинского отряда: он все предвидит, все знает, все умеет и все может. Его бессловесная дружина, умеющая лишь богато есть и одеваться, спать и убивать беззащитных, но,тем не менее любимая и опекаемая Вольхом, как его родная семья, - это и не дружина, и не охотничье племя, а некий поэтический симбиоз, возникший, вероятно, из притершихся за столетия отрывков эпических сказаний двух отдаленных эпох - мезолита и эпохи великого переселения народов. В этот симбиоз вросли три кратких фрагмента, которые можно соотнести со временем XI-го (письменная грамота, церкви, монастыри) ах XVI-го веков (огненное ружье, шомполы) - очевидные следы позднейших переделок и доделок одного из самых древних героических эпосов.

В Природе огромное значение, помимо силы и хитрости, имеет

I Таких былин мало: "Данило Игнатьевич", "Ермак и Калин-царь", "Глеб Володьевич", былины о Василии Буслаеве.

скорость передвижения. Скорости завораживали древнего человека, и все недоступное ему в этом деле он объяснял колдовством. Только с помощью волшебной "науки" можно было, по его мироощущению, преодолеть невообразимо огромные земные пространства. Вольх сказочно щедро наделен этим даром, а совсем не так, как другие былинные богатыри, быстрота передвижения которых все же находится в границах наблюдаемого ими и их современниками мира вокруг. Не случайно, что у Вольха нет коня. Нет коней и у его дружины. Конь как средство передвижения и боевой товарищ ставит былинного богатыря на почву реальности, даже если конь наделен порой отдельными сказочными способностями. Кони не нужны волшебнику, освоившему все премудрости Природы. Вольх - это мечта древнего человека стать равным с Природой, не уступая ей ни в искусстве изменять внешний облик, ни в силе, ни в скорости.

В.Я.Пропп проницательно заметил, что финал былины о Вольхе также свидетельствует о ее глубокой архаичности и о напластовании различных эпох. Вольх и его дружина не возвращаются на родину после набега, а остаются володеть захваченным царством, поделив между собою его богатства:

А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посацкия,
Он злата - серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей"

Поэтизация таких действий, как справедливо замечает ученый, могла возникнуть, скорее всего, в эпоху великого переселения народов, для которой были характерны истребительные нашествия и

захват-освоение чужих земель, в то время как для Киевской Руси, напротив, типична оборона своей родины от чужеземных набегов, что нашло отражение и в былевом эпосе. Финал былины с очевидностью подтверждает, что стихи о защите Вольхом Киева, церквей и монастырей - позднейшая вставка. В представлении о вознаграждении за подвиг отразилось смешение ценностей скотоводческой эпохи с гораздо более поздней эпохой, когда всеобщим мерилом богатства стало злато-серебро.

Вольх эпохален! Эпохален более любого былинного богатыря, не исключая Микулу Селяниновича и Илью Муромца. Вольх - фантастический герой многих языческих эпох, и охотничьей, и скотоводческой, и эпохи великого переселения народов, и родоплеменных княжеств. Герой, сохраненный народно-поэтическим творчеством и в эпоху христианства на Руси, поскольку народ после крещения еще несколько сот лет жил и мечтал по-язычески. По мере ослабления языческих верований, прежде всего, веры в оборотничество, естественно, уменьшалась и популярность образа Вольха.

Ш. Сопоставление образа былинного Вольха с летописными образами Всеслава

Летописные образы Всеслава отличаются от художественного образа Вольха, как срубленная и умело обструганная осина - от живого дуба с глубокой, таинственной корневой системой и с раскидистой кроной. Сопоставление образов возможно лишь по некоторым общим свойствам. Это - теоретически. Фактически мы обнаружили всего два совпадения между образами Всеслава и Вольха: их рождение и жестокость их характеров. Присмотримся к сходству

повнимательнее. В былине рождение изображено так:

"По саду, саду зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с кменю скочила на лютова змея;
Обвиваетца лютой змеи
Около чебота зелен сафьян,
Около чюлочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну,
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могучь богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стреслося славно царство Индеиское,
А и синея моря сколыбалося
Для - ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Заицы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам".

В летописях о рождении Всеслава сказано: "его же роди мати от вълхвованья", без какого-либо разъяснения по существу, что

значит такое рождение. В начале XII века можно было понимать эту строку по-разному: как результат колдовских чар, осуществленных с согласия князя и княгини, как результат тайного наговора волхвов и даже как следствие тайного тотемического брака (были, конечно, еще и такие верования). Летописец, не разъяснив конкретного смысла своей записи, похоже, рассчитывал как раз на ее свободное истолкование каждым читателем в меру своей подготовленности. Но при любой интерпретации этот отрывок из народного сказания о Всеславе не дает малейшего основания для постановки вопроса о влиянии ординарной летописной записи на творцов высокохудожественной былины. Еще более значима противоположная идейно-нравственная ориентация летописца и слагателей былины: летописи осуждают волхвованье как источник зла, а былина превозносит, - как источник сказочной силы и мудрости Вольха. Совершенно иное, чем в летописях, отношение к жестокости Вольха видим мы в былине. Эта черта характера возводится тут в доблесть.

Подведем итоги. При семантическом сопоставлении оба сходства между летописными образами Всеслава и былинным Вольхом оказываются мнимыми, и потому не сближают, а еще больше отдаляют их друг от друга, генетически разводят их по разным историческим эпохам.

Другие их сущностные характеристики вообще являются полярными. Вольх - сказочный волшебник и оборотень, Всеслав - нормальный человек; Вольх - непобедимый богатырь и покоритель далекого царства, у Всеслава несчастия и позор явно перевешивают его редкие победы; Вольх ведет войну с чужеземцами, Всеслав - с соотечественниками; Вольх заботится о дружине, как отец о де-

тях, Всеслав, словно тать, ночью убегает от киевлян - своих спасителей и благодетелей; Вольх остается царем в покоренной стране, Всеслав возвращается в Полоцк, где и оканчивает жизнь. Противопоставления можно и продолжить...

Словом, нет оснований для утверждений о влиянии летописных образов Всеслава[I] на образ былинного Вольха, равно как и для утверждений о влиянии образа Вольха на образ Всеслава. Запись же в ПВЛ о его рождении, скорее всего, имела своим источником не дошедшее до нас эпическое сказание о Всеславе, на существование которого она, в свою очередь, и указывает. Летописцы ПВЛ, как это установлено многими исследователями, представляли сказания, легенды как вполне достоверные источники сведений и потому ставили их в один ряд с историческими событиями.

IУ. СООТНОШЕНИЕ ОБРАЗА ВСЕСЛАВА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ", В ЛЕТОПИСЯХ И ОБРАЗА ВОЛЬХА ВСЕСЛАВЬЕВИЧА

"Главная трудность "Слова" лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии" (Р.О. Якобсон).

"Ибо характер "искажения" сведений, - это, может быть, одно из самых любопытных и важных исторических сведений, которые могут быть извлечены из памятника как остатка истории" (Д.С.Лихачев).

I В литературе нередки суждения о князе Всеславе Полоцком как прототипе образа Вольха. Этот взгляд дожил до наших дней. Не понятно, однако, на что он опирается. Ведь никто из исследователей не знает о Всеславе ничего сверх того, что сказано о нем в летописях и в "Слове".

Исследователи древнерусской литературы справедливо отмечают широкую вместительность многих ее жанров, включая и "Слово". Характернейший пример – "Слово о полку Игореве". Оно объединяет эпические и лирические жанры: героическую песнь и воинскую повесть, былину, "плач", "причитание" с ораторским "словом-поучением", с лирическим "словом-обращением", со словом-элегией по случаю гибели Изяслава, сына Василькова и т.д. Трудно одним понятием определить жанр "Слова о полку" в целом и даже некоторых его крупных фрагментов, в частности, повествования о Всеславе. Оно называлось героической песнью в духе Бояна (А.С.Орлов), эпосом (Р.О.Якобсон), былиной,   но чаще всего его яркая жанровая специфичность оставалась без определения. У меня есть своя точка зрения на это, но, не желая забегать вперед, я буду пока называть фрагмент о Всеславе "Словом о Всеславе", что исторически вполне оправдано.

I. При сопоставлении "Слова о Всеславе" с летописями бросается в глаза совершенно различная последовательность и взаимосвязь событий и фактов, характеризующих Всеслава. Судите, читатель, сами:

Летописи и Поучение Вл.Мономаха		"Слово о Всеславе	
Дата	Наименование события	Дата	Наименование события
I044 г.	I. Чудесное рождение Всеслава		Эти события отсутствуют в "Слове"
I044 г.	2. Смерть отца Всеслава		
I060 г.	3. Поход Ярославичей (с участием Всеслава) против торков		
I063	4. Всеслав начинает междоусобную "рать"		
I065	5. Всеслав осаждает Псков		

Дата	Наименование события	Дата	Наименование события
	Отсутствует	нет	I.Характеристика времени и замыслов Всеслава
I067 г.	6. Всеслав захватывает и разрушает Новгород	нет	2.В "Слове" отнесено к более позднему времени (см. п.4)
	Есть, но в иное время и в иной трактовке (см. пп. 9, I0)	нет	3. Всеслав захватывает Киевский престол
	Есть, но в иное время и с иными последствиями (см. п.II)	нет	4.Бегство Всеслава из-под Белгорода и захват Новгорода
I067 г.	7. Сражение Всеслава с Ярославичами на Немиге. Поражение Всеслава	нет	5.Сражение на Немиге.
I067 г. июль	8. Пленение Всеслава и заключение его в тюрьму (вместе с сыновьями)	нет	Отсутствует
I068 г. сентябрь	9. Восстание Киевлян. Изгнание Изяслава и провозглашение Всеслава Киевским князем	нет	Это событие описано иносказательно (см. п.3)
до марта I069 г.	I0.Княжение Всеслава в Киеве	нет	6. Продолжение княжения Всеслава в Киеве:
	Отсутствуют		а) Раздача городов князьям; б) поход на Тьмуторокань; в. заутреня в Полоцке
I069 г. март	II.Бегство Всеслава из-под Белгорода, конец его княжения в Киеве	нет	Есть, но в иное время и в иной трактовке (см. п.4)
I069 г.	I2.Второй поход Всеслава на Новгород, разгром и второе пленение Всеслава	нет	Отсутствуют
I075 г.	I3.Третий (тоже неудачный) поход Всеслава на Новгород	нет	Отсутствуют

Дата	Наименование события	Дата	Наименование события
1077 г.	14. Поход Всеслава на Смоленск	нет	Отсутствуют
1101 г.	15. Сообщение о смерти Всеслава	нет	Отсутствуют
	Отсутствуют	нет	7. Подведение итогов политики Всеслава от Бояна и от Автора

Различия между летописной и поэтической версиями биографии Всеслава столь разительны, а порой и странно-непонятны, что возникает вопрос: А знал ли Поэт[1] ПВЛ или другие летописи? Подавляющее большинство исследователей уверенно отвечают: знал. Высококультурный Автор "Слова" просто не мог не знать летописания. Однако многое в истории Руси он понимал не так, как летописцы. "Слово" убедительно демонстрирует глубину и оригинальность историко-философского мышления Поэта. Вместе с тем, верный своему методу "писать по былям своего времени", Поэт, – и это не раз было подтверждено исследователями, – с поразительной точностью воспроизводил исторические факты и события. Единственное исключение – "Слово о Всеславе". Многообразные и часто нелепые искажения истории не имеют аналогии в "Слове о полку" и потому не могут быть объяснены простой ошибкой на особенности художественной композиции. Каждое отклонение – искажение должно быть понято в связи с общим замыслом вещи, но именно это-то, кажется, и не поддается разумному истолкованию. К примеру: Зачем надо три новгородских похода Всеслава объединять в один? Зачем изображать его как победоносный, а само время похода переносить на два года позже действительного похода Все-

1. Вслед за А.С.Пушкиным мы будем так называть Автора "Слова о полку".

слава, когда он захватил Новгород? Зачем понадобилось Поэту устраивать хронологическую чехарду, разделяя киевское княжение Всеслава на два периода таким образом, что внутри него оказывается битва на Немиге, которая была до него, и бегство из-под Белгорода, которое было после него? Все подобные нелепицы (мы пока назвали лишь некоторые из них) объединяет то, что они разрушают нормальное представление читателя об историческом времени-пространстве, а, следовательно, и представление самого Поэта? Заведомая нарочитость подобного разрушения бесспорна, но ее причина не понятна.

Давно замечено, что летописи и "Слово о полку" по-разному маркируют время событий. В "Слове" нет ни одной даты. Привязка событий, описанных в "Слове", к историческому времени осуществлена исследователями в XIX-XX столетиях путем сопоставления с летописными сведениями княжеских имен и топонимической локализация событий. В общем подходе к изображению времени "Слово о полку" подобно эпосу или самому раннему летописанию, в котором отсутствовала абсолютная (от сотворения мира) хронология событий. В подходе к композиции событий "Слово о Всеславе" отличается от "Слова о полку", которое, в свою очередь, отличается от летописей (тут мы имеем в виду только XI-XII века). Хронологический принцип летописей заменен в "Слове о полку" ассоциативно-смысловым, сближающим далекие или разделяющим близкие события с целью наиболее полного и яркого раскрытия авторского замысла. Поэт свободно - целесообразно оперирует в "Слове о полку" со временем, но в "Слове о Всеславе" целесообразность, кажется, бесследно испаряется; в перестановке событий здесь господствует произвол, зачем-то, разумеется, необходимый Поэту. В

эпосе мы вообще не можем говорить о перемещении событий во времени, потому что тут и герой, и события – вымышленные, а не подлинно-исторические. Тут-и, в частности, в эпосе о Вольге ярко представлено другое явление – безразличие к хронологии событий, перемешивание времен и эпох, но оно обнаруживается лишь в результате специального анализа, оставаясь незамеченным для слушателя (читателя). В былине о Вольге реалии и характерные явления разных эпох и веков функционируют и воспринимаются как синхронные, сосуществуют, словно соседи, в вечно одинаковом эпическом времени. Понятия „раньше" и „позже" здесь имеют смысл только в пределах сюжета самой былины, – в этом отношении "Слово о Всеславе" ближе к эпосу, чем к "Слову о полку", с тем, правда, различием от эпоса, что равнодушие ко времени свершения события носит в "Слове о Всеславе" показной, демонстративно-подчеркнутый характер. Поэт как бы говорит читателю: важно не то, когда Всеслав захватил Новгород, в 1067 или в 1069 году, и откуда он напал на него, из-под Белгорода или из-под Полоцка, а важно то, что Всеслав его захватил. Однако Поэт тем самым противоречит себе самому, озадачивая читателя недоумением: почему это вдруг Поэту стала неважна правда, которую он так ценил до этого и которую он, провозгласил верховным принципом своего песнетворчества?

Всеслав, свободно перемещающийся из будущего в прошлое, – это герой, подчинивший себе время. Естественно, что он покоряет и пространство, преодолевая его со сказочной быстротой. Всеслав одним "скоком" промахивает расстояние в тысячу вёрст, обгоняя Хорса, бога Солнца. Наверное, поэтому конь ему не нужен. В русском эпосе подобные способности имеет только один бога-

тырь, - Вольх Всеславьевич, который, естественно, также не имеет коня. Тут-то и возникает мысль об уподоблении Всеслава не эпическому герою вообще, а былинному богатырю Вольху Всеславьевичу. Совершенно не понятно, однако, зачем это надо Поэту, - ведь героизация образа Всеслава, зачинателя нового цикла междоусобных войн, входит в противоречие с замыслом "Слова". Тут что-то не так.

2. В летописях история Всеслава начинается с его рождения. В "Слове" о рождении Всеслава вообще не упоминается, но при этом, - так же, как в летописях и в эпосе о Вольхе, - начало "Слова" имеет основополагающее значение для повествования о нем.

1. На седьмом веце Трояни
2. връже Всеславъ жребии
3. о девицю себе любу"[1]

Смысл этих стихов не вполне ясен. Бесспорно, что Всеслав принял судьбоносное решение, но когда и какое, - не понятно, потому что и время, и цель (мечта) прямо не названы, а охарактеризованы иносказательно.

При истолковании первого стиха мы исходим из того, что Тро-

---

1 Древнерусский текст "Слова" приводится в реконструкции Колесова В.В. с некоторыми моими конъектурами (см. А.Косоруков. - Гений без имени. Современник, 1986, с.176-206. Дальше: Гений ...). Нумерация стихов вводится для того, чтобы в дальнейшем избежать их многократного цитирования.

ян – восточнославянский языческий бог ратного дела[1] и что "век Трояна" означает "время Трояна"[2]. У каждого языческого бога были определенные функции, а время каждого, следовательно, также имело функциональный характер. Бог Солнца "ведал" солнечным временем, бог Ночи – ночным, а бог Ветра – лишь временем, когда дули ветры и т.д. Троян же, понятно, получал власть над временем, когда шла война. Значит, "вечи Трояни" – это военное время языческой Руси, история войн под покровительством Трояна. В таком же смысле понятие "вечи Трояни" употреблено и в другом месте "Слова":

Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля,
были плъци Олговы,
Ольга Святьславличя.[3]

Повторение глагола "были", ритмический параллелизм между первым

---

1 Несколько новых соображений в защиту этой интерпретации высказаны в книге "Тени...", с.44-50. Недавнее истолкование Соколовой Л.В. (ТОДРЛ. XLIV, с.325-363), основанное на предположениях В.Л.Шевчука, не содержит убедительных аргументов для пересмотра того мифологического понимания "Трояна", которого придерживаюсь также и я.

2 В нынешнем значении (столетие) слово "век" тогда не употреблялось. Древнерусский "век" неопределенен, от "века" земной жизни человека до "века" его загробного бытия (см. И.И.Срезневский – "Материалы...").

и третьим стихами сближают их и по смыслу. Это позволяет определить неизвестное через известное, – уточнить содержание понятия "вечи Трояни" через раскрытое ранее самим Поэтом выражение "пълци Олговы" (междоусобные походы Олега). Следовательно, "вечи Трояни" – это военное время междоусобиц. И хотя оно было задолго до княжения Ярослава Мудрого, оно, однако, не миновало безвозвратно, а снова ожило в походах Олега Гориславича и его современника Всеслава Полоцкого.

В контексте, где точная историческая хронология исключается, число "семь" ("на седьмомъ вече Трояни") должно осмысливаться символически. Именно так подошел к его истолкованию Д.С. Лихачев, опираясь на христианскую символику семерки. Однако "Слово о Всеславе" насыщено не христианскими, а языческими представлениями. Поэтому вернее будет взять за основу символическое значение 7 в русском фольклоре. По моим наблюдениям, оно осмысливается там как "неопределенное множество", от "несколько" до "много": "семеро одного не ждут", "семь бед – один ответ", "седьмая вода на киселе"[1] и т.д. Одна пословица может быть прямой иллюстрацией к нашему анализу: "Быть тебе семь веков на людских памятях"[2]. Следовательно, выражение "на седьмомъ" вече Трояни" означает относительно позднее трояновское время, когда уже прошло несколько периодов войн под эгидой этого бога. Поскольку Всеслав Полоцкий и Олег Гориславич активно действовали во второй полови-

---

1 См. подробнее в кн. "Гений...", с.126.

2 "Пословицы и поговорки русского народа", сб-к Вл.Даля, т.1, с.233 и т.2, с.182, Москва. Худ. лит-ра, 1984 (Далее будут ссылки на это издание).

не XI века и оба яростно проводили междоусобную политику, постольку и об Олеге можно сказать, что он испытывал свою судьбу "на седьмомъ веце Трояни".

Во втором стихе ("върже Всеславъ...") речь, очевидно, идет о том же времени, что и в первом, и, следовательно, определение его сущностной специфики дается именем Трояна. "Каковы веки, таковы и человеки"[1], а веки и человеки таковы, каковы их боги, - во всяком случае, для древнего русича. В первом стихе время маркируется именем мифического Трояна, во втором же - именем исторического Всеслава. Его жизнеописание известно нам сравнительно неплохо. Благодаря этому проясняется историческое время бросания им жребия: не ранее 1063 года, когда Всеслав "рать почалъ", видимо, против Ярославичей, и не позднее 1065 года, когда он осадил Псков, твердо став на трояновский путь междоусобных войн.

Языческое время Трояна, оказывается, еще длится, врезавшись в христианское, активно проявляя себя в делах Всеслава Полоцкого и подобных князей.

Прошлое ожило в междоусобной политике Всеслава, и потому Поэт вспомнил о времени Трояна. Прошлое бросило вызов настоящему, так как Всеслав решил силой восстановить полновластие племен-княжеств, существенно ослабленное при Владимире Святом и особенно при Ярославе Мудром. Всеслав мог бы, следовательно, с полным основанием называться "внуком Трояна" в том символическом значении слова "внук" (продолжатель дела), которое оно имеет в "Слове"[2].

1 Вл.Даль, - Пословицы и поговорки русского народа", т.I, с.238.

2 "Гений...", с.44-50.

Определение времени по имени языческого бога Трояна в сказочный иносказательный образ вопрошания судьбы (бросание жребия) сообщают тексту мифологический, народно-поэтический колорит. Вместе с тем личное имя полоцкого князя вводит в стилистику точное историко-реалистическое начало. Таким образом с первых же стихов в "Слове о Всеславе" сплетаются два стилевых принципа.

Поэт налагает мифологическое время на историческое, мифологический образ Трояна на исторический образ Всеслава, чтобы определить одно через другое, "схватить" и показать их тождественно-различную суть. В результате мифоэпическая характеристика времени приобретает хронологическую конкретность (I063-I065), а содержание исторического времени осмысляется как продолжение времени войн между восточнославянскими племенами. Образ же Всеслава как бы вставляется в рамку образа Трояна в качестве продолжателя его дела. В таком сближении уже содержится ядро критического осмысления образа Всеслава.

Ещё один стилеобразующий элемент просвечивается в загадочном образе "девицы себе любы", в котором воплощена заветная цель всех действий Всеслава. В настоящее время господствуют следующие истолкования стиха: тут речь идет о захвате либо Киева, либо Новгорода. Как видно, разница между вариантами незначительна. Важнее то, что их объединяет: бросание жребия о "девицю себе любу" понимается как решение Всеслава захватить один из главных оплотов Ярославичей. Исследователи[I] опираются на ле-

---

I Ранее я защищал первое истолкование ("Гений...", с.127,.

тический пример, в котором женитьба на любимой понимается иногда как метафора взятия желанного города[I]. Отождествление "девицы себе любы" с захватом Киева (Новгорода) ныне представляется мне некорректным. Дело в том, что в "Слове о Всеславе" мечта князя неразрывно связана с его вопрошанием судьбы, а не со взятием города, как в летописи. Из-за этого различия рушится аналогия между ситуацией в "Слове" и в летописи. Кроме того, – и это очень важно, – ни к Киеву, ни к Новгороду Всеслав не относится как к своей заветной мечте, осуществление которой и есть конечная цель его новой политики. Он явно не дорожит Киевским "столом", а потому при первом же удобном случае избавляется от него. Столь же решительно отказывается Всеслав и от захваченного Новгорода, предав пожару один его "конец" и ограбив храм Св.Софии. Разумеется, если б Всеслав мечтал "жениться", слить свою судьбу с судьбой Киева или Новгорода, он не стал бы в самый ответственный момент предавать киевлян или озлоблять новгородцев, отрезая себе путь на киевский (новгородский) престол.

Проблематичность отождествления женитьбы на "девице себе любе" с захватом города ощущал А.А.Потебня, предложивший рассмотреть другую ассоциативную аналогию, – между ситуацией "бросания жребия о девице себе любе" и сказочными однотипными ситу-

---

I К сожалению, я никак не мог разыскать в своем архиве ни этого примера, хотя хорошо помню, что он у меня есть, ни вспомнить имя исследователя, первым разыскавшего его.

ациями добывания себе в невесты царской дочери[I]. Мысль А.А.Потебни, высказанная им вскользь, представляется мне продуктивной, но нуждается в развитии. И в сказках, и в "Слове о Всеславе", и в былине о Вольхе решение героя является судьбоносным для всей его последующей жизни, а вместе с любой девицей добывается полцарства или все царство. Но, кроме сходства, между эпической (сказочной) ситуацией и ситуацией в "Слове о Всеславе" есть существенные различия.

И в сказках, и в былине о Вольхе цель (мечта) не зашифрована иносказанием, там ясно, что царство – это царство, а невеста – невеста. Иносказательная, порой почти герметичная символичность языка "Слова о Всеславе" составляет его первую и главную особенность. Смысл, вложенный Поэтом в выражение "девица себе любо", совершенно не понятен. Отсеяв его отождествление с Киевом или Новгородом, мы тем самым цели Всеслава не определили, хотя и несколько уточнили установку Поэта. Аналогия с эпосом подсказывает иной подход к решению нашей задачи. Дело в том, что сказка и былина заканчиваются, как только герой добивается цели. Если по аналогии взглянуть на "Слово о Всеславе", то его конец и должен нам показать, что же было для полоцкого князя мечтой, выраженной словами "девица себе любо".

3. С четвертого стиха начинается развитие сюжета "Слова о Всеславе".

4. Тъй клюками подпърся окони
5. и скочи къ граду Кыеву,

I А.А.Потебня: "Слово о полку Игореве", 2-е изд., Харьков, с.123.

6. и дотчеся стружием

7. злата стола киевскаго"

Здесь остановимся, потому что восьмой стих открывает новый виток сюжета.

Древнерусское слово "клюка" означает (по И.И.Срезневскому) "хитрость", "обман", но и "фанфарон", "самохвал", а также клюка-"костыль". Почти все исследователи "Слова" согласны, что в четвертом стихе речь идет о "клюках" - хитростях, но в истолковании их конкретного содержания фиксируется, по крайней мере, две точки зрения.

А.В.Лонгинов полагает, что в "Слове" имеются в виду "клюки"[I] не Всеслава, а его главного противника, Изяслава Ярославича: нарушение им и его братьями клятвы крестоцелования, то есть хитрость Изяслава, обман Всеслава, стоивший ему заточения в темницу. Исследователь сознает шаткость своей точки зрения, входящей в противоречие с текстом "Слова")тут говорится о "клюках" Всеслава), но не находя в "Слове" и в летописях ни одного примера хитростей Всеслава, заключает: "Как бы то ни было, но одно уже упоминание летописцем в некрологе о смерти Изяслава о клюках невольно заставляет подозревать бывшую связь их с клюками "Слова"[2]. Исследователя не смущает, что летописец, отрицая "клюки" Изяслава[3], не связывает их ни с чем и ни с кем. По-

---

I Лонгинов А.В. - "Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича", Одесса, 1892, с.160-162.

2 Там же, с.161.

3 "Любя правду, клюкъ же в немъ не бе, ни льсти" (Ипатьевская летопись, под 1078 год).

лучается, что версия А.В.Лонгинова построена по принципу "тем хуже для фактов".

Второй вариант истолкования "клюк" Всеслава является для меня психологической загадкой. Многие исследователи полагают, что под "клюками" Поэт имеет в виду хитрости Всеслава, связанные с одним из моментов конфликта между киевским князем Изяславом и киевлянами, которые безуспешно требовали от него дать им "оружье и кони" для нового сражения с половцами, победившими объединенные дружины Ярославичей. Второй вариант истолкования[I] основан на нескольких немотивированных догадках. Предполагается, что Всеслав, сидя в земляной тюрьме, каким-то тайным образом узнал о сути конфликта между Изяславом и киевлянами, изъявил желание дать им "оружье и кони", если они освободят его и изберут своим князем, и что киевляне приняли его условие. Изяслав бежал в Польшу, и на Киевский "злат стол" сел Всеслав. И что же дальше? Логика истолкования побуждает дать ответы на вопросы: получили ли киевляне оружие и коней? Ходили ли они биться с половцами? Исследователи обычно обходят эти вопросы, потому что ответов нет, - ни в летописях, ни в "Слове", вообще нигде. Историки не знают ни единого упоминания о битве возмущенных киевлян с половцами. Её, наверное, не было. Это означа-

---

I Его придерживаются: Лихачев Д.С. - "Слово о полку Игореве" и культура его времени". Л., "Худ. лит-ра", 1985, с.97-98; Адрианова В.П. - Перетц. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., Наука, 1968, с.160; Рыбаков Б.А. - "Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве", М., Наука, 1972, с.453, и другие авторы.

ет, что второй вариант истолкования был обречен на то, чтобы вечно оставаться догадкой.

Несколько лет назад В.Л.Виноградова опубликовала статью, в которой доказала, что слово "окони" в 5-м стихе "по смыслу не связано с конями"[1]. Следовательно, отпадает единственное основание для догадок, лежащих в основе второго варианта прочтения "клюк". Дело в том, что вся цепочка рассуждений его сторонников держалась на этом "окони", связывавшем "Слово" с летописной статьей под 1068-м годом. Когда же связь рухнула, бросилось в глаза, что летописец, говоря о требовании киевлянами оружия и коней, не упоминает о "клюках" Всеслава, а бесспорно констатирующее их "Слово о полку" не упоминает ни о конях, ни об оружье. Ниточка связи между "Словом" и летописью оборвалась, и стало абсолютно нечем подкрепить второй вариант истолкования "клюк", ибо вся жизнь Всеслава, а не только годы, проведенные им в Киеве, не дает ни единого примера каких-либо его военных или житейских хитростей.

К доказательствам Виноградовой В.Л. мы можем добавить еще одно. Обратим внимание на то, что в "Слове" о "клюках" говорит-

---

1 Анализ стиха, выполненный В.Л.Виноградовой ("О некоторых словах и выражениях в "Слове о полку Игореве", - в книге "Слово о полку Игореве" и его время". М., Наука, 1985, с.139-146) побуждает меня отказаться от своей прежней редакции и трактовки этого места. ("Гений...", с.200). Из трех вариантов прочтения "окони", предложенных В.Л.Виноградовой, контекст, думается, приемлет только первый ("окони" = "сначала").

ся вслед за тем, как Всеслав принял решение о войне против Ярославичей, и <u>до того</u>, как он "скакнул" к Киеву. Отсюда вытекает, что под "клюками" Всеслава Поэт не мог мыслить его хитроумное вмешательство в конфликт между киевлянами и Изяславом, так как Всеслав в это время был далеко от Киева. Тем настоятельнее становится, однако, вопрос: в каком же смысле Поэт говорит о "клюках" Всеслава? Кажется, нет возможности даже подступиться к прояснению смысла пресловутых "клюк". Неожиданная помощь приходит совсем не оттуда, где её искали долгие годы. Поэт, акцентируя значение хитростей как единственной опоры для его "скока" к Киеву и овладения киевским престолом, дает нам ниточку связи образа Всеслава с образом Вольха, хитрости которого сыграли столь же исключительную роль для его "скока" к Индейскому царству и захвата трона Индейского царя[I]. Снова оказавшись на пути сопоставления этих образов, мы, приглядевшись, замечаем, что сходство между "клюками" Всеслава и Вольха хоть и броское, но внешнее, зато различия между ними относятся к самой сути образов.

"Науку" оборотнических "хитростей-премудростей" Вольх показал на деле. При подготовке к походу он "обернулся горностаем", проник в хранилища оружия и там "у каленых стрел железцы повынимал, у тово ружья везть у огненнова кременья и шомполы повыдергал", то есть разоружил войско противника. И второй чудесный подвиг Вольх совершил, когда провел в щель под воротами цар-

---

I Аналогии с другими былинными богатырями не возникает, потому что они побеждают чаще всего силой, иногда – силой и хитростью, Вольх же – всегда только хитростью.

стве себя и семь тысяч своих дружинников, обернув всех "муравьишками". Первая военная хитрость показывает также, что Вольх проявил дальновидность при подготовке к походу в чужую землю. В "Слове" же хитрости Всеслава не только не подкрепляются ни примером, ни мудростью предвидения, но и опровергаются фактами. Ведь по летописям известно, что "скок" к Киеву Всеслав осуществил из-под Орши в качестве пленника Ярославичей, в оковах, сидя на повозке под охраной дружинников. Получается, что хитрости Всеслава и его "скок" к Киеву - мнимые, что Поэт, употребляя эти слова, переосмысливает их, придавая им насмешливые значения. Следовательно, 4-й стих по своему подлинному смыслу, который вложил в него Поэт, надо понимать так: единственной "опорой" Всеслава для похода на Киев было его самохвальство ("клюки") Не удивительно, что в результате он сел не на киевский "злат стол", а в киевскую земляную тюрьму.

Насмешливое значение "клюк" заложено в семантике этого слова, но как возникает насмешливое переосмысление глагола "скочити" (пятый стих)? И.И.Срезневский констатирует, что глагол "скочити" среди прочих имеет значение "самовольно занять, захватить (престол)". Будучи подсвечено контрастным историческим фоном, оно, естественно, осмысливается как едкая насмешка, как сатира на фанфарона, похвалявшегося (это, наверное, было известно Поэту) добыть копьем киевский престол, но по пути потерпевшего сокрушительный разгром от Ярославичей, затем глупо попавшегося в расставленную ими политическую западню, из которой его извлекли и посадили на "злат стол" киевляне.

Глагол "скочи" (аорист) означает действие мгновенное или

недлительное, которое полностью завершилось в прошлом[I], и, значит, его необходимо переводить "скакануя", "прыгнуя", но не "скакал", "мчался". Место, откуда Всеслав "скакнуя" к Киеву, не называется, и потому получается (по первому плану повествования) прыжок из неизвестности. В этом можно увидеть намек на земляную тюрьму, где, казалось, забытый всеми князь просидел более года, но в этом есть также смысловая и лексическая аналогия со скоками Вольха, который откуда-то "первый скок за целу версту скочил, А другой скок не могли найти". Правда, одинединственный скок Всеслава откуда-то к Киеву и на киевский престол намного фантастичнее "скока" Вольха. Явно чрезмерная гиперболизация быстроты движения Всеслава к Киеву оборачивается насмешкой, - ввиду неизбежной историко-фактической подсветки стиха.

Еще более чувствительный удар по героическому образу Всеслава наносится в шестом - седьмом стихах. Сходство между Вольхом и Всеславом здесь бросается в глаза. Оба достигли своих целей - один "скакнуя" на Киевский престол, второй "насел" на трон Индейского царя, но способы достижения были совершенно различными. Вольх с дружиной "порубили" все население, исключая царицу и девиц, на которых они женились, а Всеслава население Киева "высекло" из поруба и посадило на великокняжеский стол. Са-

---

I Хабургаев Г.А. - "Старославянский язык". М., Просвещение, 1988, с.192; Иванов В.В. - "Историческая грамматика русского языка". М., Просвещение, с.340. Глагол "скочи" употребляется в "Слове" еще один раз, в том же самом значении: "... и скочи съ него босымъ влъкомъ".

мо семимесячное киевское княжение Поэт характеризует как касание престола древком копья, то есть как мимолетное соприкосновение с высшей властью на Руси. Таким оно, в сущности, и было, – как в биографии Всеслава, так (и тем более) в истории киевских князей. Но только этим далеко не исчерпывается внутренний заряд 6-го и 7-го стихов, к выявлению которого можно подойти двумя путями.

Копье – оружие и князя, и былинного богатыря, и дружинника. Удар острием княжеского копья по трону означал, что он стал военной добычей князя. Но Всеслав лишь касается престола копьем[I]. Такое применение боевого копья не может быть символом завоевания престола. Да такой символ тут и не годился бы, потому что Всеслав получил Киевский "злат стол" без борьбы, словно подарок судьбы, или, – по представлению летописца, – как милость от Бога. Именно на эту особенность негероического занятия престола выводит нашу мысль Поэт, в чем сказывается метафорическое значение глагола "окочити". В символе ощутима ирония: ну что же за подвиг без борьбы и без хитростей-премудростей?

К сути символа есть и другой путь. В Древней Руси считалось тяжким оскорблением пострадавшего, когда ему был нанесен удар тупым предметом, – ножнами, рукояткой меча и т.д. В наше прагматичное время древнерусская моральная норма об уплате за такой удар вчетверо большего штрафа, чем за несравнимо более

I Такой символический смысл удара копьем Д.С.Лихачев показал в 1950 году в комментариях к "Слову" ("Слово о полку Игореве", изд-во АН СССР. М.-Л., 1950 г.).

опасный (но не смертельный!) удар острием меча[1], воплощена уголовными кодексами многих стран в перевернутом виде. Поэтому у современного читателя разбираемый образ ("дотчеся стружием ...") не может вызвать некогда нормальную ассоциацию - оценку киевского княжения Всеслава как бесчестия, причиненного главному на Руси "злату столу". Такое понимание символического образа заостряет насмешку над самохвалом Всеславом до степени сатирического обвинения.

Из нашего анализа 4-го и 7-го стихов напрашивается несколько предварительных выводов. В стихах, предшествовавших "Слову о Всеславе", возникал неясный образ полоцкого князя, [redacted], оставившего "внукам" громкую славу[2] о себе. Теперь же Поэт круто меняет свое отношение к Всеславу, высмеивая его и как политика, и как полководца. (Это — во-первых. Во-вторых, по срав. с 1-3 стихами) резко изменился и стиль "Слова о Всеславе": мифоэпический на мнимоэпический,- вследствие скрытой насмешки над главным героем. Возник второй, как бы подтекстовый [redacted] стиль повествования и второй уровень осмысления текста, - разоблачительный, построенный на 1) контрастном сопоставлении поступков Всеслава с историей, на 2) тождественно-различном сравнении их с анало-

---

1 Сравните статьи 23 и 30 Правды Русской ("Пространная Правда", т.2. М.-Л., 1947, с.339/340; 354-355). Копье в "Слове" заменило меч в "Правде" потому, что оно лучше подходит к смыслу контекста. Известно, что бой начинался с метания князем копья - поэтому тут с-вои междоусобные войны Всеслав начал с касания древком копья престола.

2 Конкретное содержание этой славы будет проанализировано в конце нашего исследования.

гичными поступками подлинного эпического героя Вольха Всеславьевича и на 3) оживлении в ключевых словах и выражениях, характеризующих героя, нового, критического смысла, заложенного в их семантических гнездах.

[модального,) его а-]
Коренное изменение (~~стилеобразующих~~ начал неизбежно должно было повлечь за собой изменение жанра "Слова о Всеславе": мнимый эпос - это ведь вовсе не эпос, а пародия на него. В самом деле, в 4-7 [стихах] [redacted] есть все основные признаки этого жанра: наличие второго, неявного уровня повествования и осмысления текста; критика под видом гиперболизованной похвалы и утрирования; переосмысление с плюса на минус ключевых слов и выражений, характеризующих Всеслава. Но не вполне ясно, однако, кто (что) пародируется. Конечно, [redacted] критическое острие нацелено на Всеслава, при этом былинный герой Вольх ассоциативно припоминается как второй контрастирующий фон (первый фон - историко-событийный). Зачем, однако, Поэту два фона, две различные лакмусовые бумажки для проявления и заострения критики в адрес Всеслава? Сам Поэт указывает нам направление поиска для ответа на вопрос. Во-первых, те стихи, которые непосредственно предшествуют "Слову о Всеславе" и в которых кладется начало созданию исторического образа полоцкого князя Всеслава Брячиславича, дают ему позитивную, хотя и беглую характеристику. Это означает, что [исторический] Всеслав не видится Поэту как личность, подходящая для высмеивания. Во-вторых, поскольку 4-7 стихи задают рассмотрение образа Всеслава в [redacted] сопоставлении с образом Вольха, постольку нам дается знак, что возникшие одновременно [redacted] высмеивание Всеслава и его уподобление Вольху взаимосвязаны. Каким образом?

Поэт развенчивает такое уподобление как мнимое, оттеняя в нем два слоя, - внешнеподобный и сущностноразличный. Получается, что критика Поэта нацелена в два адреса, - того сочинения, где поднят образ Всеслава на высоту былинного Вольха, и самого эпического образа Всеслава, не достойного, по мысли Поэта, уподоблению Вольху. Насмешливо-критические лучи, исходящие от обоих контрастирующих с текстом "Слова" фоновых подсветок, исторической и эпической, сходятся в одном фокусе, - на волшебно-героическом образе Всеслава из эпоса о нем. Если бы в фокусе было само эпическое сочинение о нем, то образ Всеслава был бы вытеснен за пределы или на периферию текста "Слова", а нынешнее место этого образа сразу на двух уровнях текста было бы отдано пародируемому эпосу. Таков закон пародии.

Академик А.С.Орлов считал, что повествование о Всеславе "представляет собою песню Бояна, пересказанную автором "Слова"[1]. Интересное наблюдение, которое полезно проанализировать. Логично предположить, что Боян мог бы воспеть хвалу Всеславу. На <u>первом уровне</u> "Слова о Всеславе" явственно отражается волшебно-героический образ полоцкого князя в духе Бояна. Однако как только мы проникаем на второй, насмешливый уровень осмысления, то становится несомненным, что "Слово о Всеславе" - не простой па-

---

I Орлов А.С. - "Слово о полку Игореве", изд-во АН СССР, М.-Л., 1946, с.35.

ресказ, а критический перепев, то есть пародийная стилизация образа Всеслава под Бояна или в духе продолжателей бояновской традиции.

Наличие, помимо авторской, второй концовки от имени Бояна не может быть, по нашему мнению, достаточным основанием для утверждения, что все "Слово о Всеславе" "пересказ песни Бояна". Вместе с тем, вторая концовка позволяет высказать гипотезу, что существовала "песня" Бояна о Всеславе и что бояновский образ полоцкого князя, - наряду с его образами в других эпических сочинениях, - мог быть предметом пародии Поэта. Если б Поэт спорил лишь с одним Бояном, - подобно тому, как он сделал это во вступлении к "Слову", - то он, наверное, назвал бы Бояна по имени не только в конце, но и в начале "Слова о Всеславе". Кроме того, Поэт, создавая свой образ Всеслава столетие спустя после Бояна, не мог, думается, оставить без внимания своих современников, работавших в русле бояновской традиции. Предпочтение Бояна другим песнетворцам при подведении Поэтом деяний Всеслава вполне может быть объяснено высоким авторитетом Бояна в народе.

Наш основной предварительный вывод таков: "Слово о Всеславе" с 4-го стиха превращается в пародию на образ Всесла -

ва, типичный для эпических сказаний о нем.

4. Нам надо понять, почему мятежные "скоки" Всеслава по Руси начинаются с Киева, а не с Пскова, как было на самом деле. Почему не с Новгорода? Ответ представляется более или менее ясным: захват этого города Всеславом создавал хорошие предпосылки для восхваления князя, суживая возможности пародирования. Но почему же не с провалившейся осады Пскова? Избрав жанр пародии, Поэт должен был подбирать художественные средства, следуя ее требованиям. Основное из них – предмет пародирования должен открывать возможность для изображения героя сразу на двух семантических уровнях, так, чтобы в результате сквозь текст проступали два образа героя, – пародируемый и авторский, а читательское восприятие текста двигалось от их сходства к их различиям, к развенчанию героя. Псковский и первый новгородский походы Всеслава однозначно ясны: там неудача, тут успех. В них нет двойственности, нет простора для пародирования.

Псковская осада не упомянута не только в "Слове о Всеславе", но и в ПВЛ: она не вписывалась в образ идеального христианина. Скорее всего, псковский поход Всеслава был исключен и из волшебно-героических сказаний о нем, которые ведь тоже создавали идеальный образ князя, но не с крестом, а с языческим амулетом на груди. Этого факта для Поэта было, я полагаю, достаточно, чтобы исключить Псков из пародии на образ Всеслава. В интересах большей доказательности пародии предпочитает не выходить из [redacted] сюжетных рамок пародируемого сочинения.

В киевском периоде жизни Всеслава смешалось низкое и высокое, преступление и чудо, случай и божественное Провидение. На чудесном вознесении Всеслава из пожизненной тюремной могилы к

к овладению высшей властью на Руси летописец ПВЛ основал легенду о преображении языческой души Всеслава в христианскую. Нет сомнения, что это чудо так же легко поддавалось и языческому истолкованию в сказаниях о Всеславе и создавало их сочинителям хорошие возможности для эффектного зачина. Для пародии на эпический образ Всеслава киевский период был наиболее подходящим из всей его жизни: историческая подоплека фактами легендарных "подвигов" Всеслава легко, подобно симпатическим чернилам, проявляла их подлинный смысл, фанфаронство "героя".

5. Как бы то ни было, но Всеслав "вскочил" на высшую ступень в [redacted] государстве. И какие же великие подвиги свершил он на этом посту? По летописям – никаких, по "Слову", – ну, тут пошла такая фантасмагория, что читатель не может не прийти в столбнячное состояние. Якобы страстно желанный Киев со всей его громкой славой оказался настолько нелюбой "девицей", что Всеслав, "едва присев на престол золотой", стремительно и добровольно (!) умчался прочь. Но куда? Он "скакнул" к Новгороду и с ходу захватил его. Великолепно! Вот это герой! – хвалят Всеслава некоторые исследователи. Минуточку, призадумаемся. Ведь "прыжок" к Новгороду – нелепость: Новгород был завоеван в 1067 году, а Киев "добыт" в 1068 году. Значит, это прыжок из настоящего времени в прошлое! Такое не удавалось даже Вольху! Может, Поэт не в меру расфантазировался? Нет, конечно. Он, во-первых, хочет встряхнуть и приземлить [redacted] ретивых почитателей Всеслава, обратив их взор на очевидные несуразности и таким образом побудив их вспомнить реальные исторические факты, а, во-вторых, хочет им открыть глаза на невидимый, но умопостигаемый символический смысл нелепого прыжка. Да, Всеслав

"скакнул" во времена Трояна, и, опершись на его авторитет, на силу традиции, увлек за собой немалую часть русичей. Такие политические прыжки-повороты поистине опасны для народа. Половцы громят сводное войско Ярославичей, вольготно грабят все, что хотят, а Всеслав как раз в это время затягивает Русь в кровавую междоусобную резню. Как раз во-время для половцев и всех иноземных врагов Руси! А сказители воспевают его подвиги, под гул одобрения в народе, - ну, не абсурд ли? Не массовое ли ослепление?

Обратимся, однако, к тексту, анализ которого мы уже начали:

8. "Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ
9. въ полночи из Белаграда,
10. обесися сини мьгле,
11. утре же вознзи стрикусы,
12. оттвори врата
Новуграду,
13. расшибе славу
Ярославу,
14. скочи влъкомь до Немиги
съ Дудутокь".

Этот фрагмент было бы неверно делить на два, исходя из того, что тут два "скачка", два сюжетных хода: синтаксически и семантически семь процитированных стихов составляют единое целое.

Случайно или нет, по воле Поэта или (отчасти) по "вине" переписчиков и самой истории, но фрагмент этот буквально напичкан разного рода загадками и "темными местами". Не убрав с дороги эти камни преткновения, исследователь не может двинуться дальше.

Начнем с сюжета и композиции. На первый взгляд, события, о которых тут идет речь, и ситуация вокруг них соответствуют историческим фактам. Да, взятые в отдельности, сами по себе, эти события были, но... действительные пространственно-временные связи между ними разрушены, заменены мнимыми, отчего сами события становятся призрачными конструкциями воображения. Сравните сюжетное развитие событий с зафиксированным в летописях (см. нашу схему). Из-под Белгорода Всеслав в марте I069 года бежал в Полоцк, оттуда его прогнал Изяслав, и Всеслав помчался к финскому племени вожан, с войском которых в I069 году напал на Новгород, но военной славы Ярослава Мудрого не расшиб, а был разгромлен новгородцами и взят в плен внуком Ярослава, новгородским князем Глебом Святославичем. Вскоре князь отпустил пленника, и тот вернулся в Полоцк. Да, Всеслав захватил Новгород, но в I067 году, до вокняжения в Киеве, то есть в другое время и шел к Киеву другим путем, из совершенно иного места в пространстве. Как говорится, "Федот, да не тот". Да, Всеслав совершил бросок к Немиге из-под Новгорода, но в качестве победителя новгородцев, а не пленника, отпущенного ими "по божьему милосердию", и не в I069, а в I067 году. Так в "Слове о Всеславе" произошла незаявленная подмена событий; их названия остались прежними, но их содержание и время их совершения утратили определенность. Почему Поэт так подошел к их изложению?

В литературе о "Слове" имеются два объяснения: I) Поэт, игнорируя время, описал здесь победоносный поход Всеслава; 2) Поэт, сгущая время, свел два (три) новгородских похода в один. Но эти объяснения ничего не объясняют, а лишь порождают другие вопросы, которые исследователи не ставят – зачем надо было Поэту

так насиловать время? Почему он, сводя два (три) похода в один, взяв за основу первый?

Поэт - превосходный знаток истории Руси, и потому в перестановке и искажении событий многие исследователи с полным правом видят заранее обдуманное намерение. В этом они правы. Но, на мой взгляд, оно может быть непротиворечиво объяснено, лишь исходя из художественной, пародийной специфики "Слова о Всеславе". Доведение до абсурда действий Всеслава как метод их пародирования, их самодискредитация, - не открытие Поэта. Оно встречается в русском былинном эпосе, в русских сказках, в сатирических жанрах. Поэт умело применил этот метод, пересадив эпическое изображение времени-пространства на почву действительной истории. В итоге получилось то, что требуется Автору, - читатель прозревает, осознавая полный произвол сказителей в обращении с историческим временем. Заметим кстати, что сами они этого могли и не видеть, следуя традиционному подходу к изображению времени и потому нимало не смущаясь анахроничной композицией событий. В таком случае, вполне возможно, что Поэт ступал по сюжетному ходу сказания, который изначально был в противоречии с ходом истории, и тогда критическая задача Поэта сводилась к тому, чтобы подчеркнуть это противоречие. Другими словами, в этом случае Поэт просто мастерски использовал композиционные возможности самодискредитации сказания, заложенные в нем самом.

Исследователи, полагающие, что Поэт всерьез изображает Всеслава оборотнем или волшебником, подобным Вольху, ищут доказательства своей правоты в сравнениях "скочи... лютымъ зверемъ", "скочи влъкомъ", "влъкомъ рыскаше", "влъкомъ... прерыскаше" и в стихе "обесися сине мьгле". В "Слове" множество срав-

нений образуется с помощью творительного падежа существительного при глаголе: "ростекашеться мыслю", "Тзак бежить серымъ вълкомь" и т.п. Но эти сравнения те же самые исследователи, не вдаваясь в объяснения, толкуют не в мифологическом, а в реалистическом смысле.

Русские сказки и былины дают богатый материал об оборотничестве, позволяющий установить два его непременных признака. Первый: выбор живого существа или неживого предмета, в который перевоплощается человек, - всегда выбор средства, подходящего для достижения цели. Когда Вольху надо проникнуть "под вырезу" ворот в Индейское царство, он оборачивает себя и своих воинов в мурашей, когда же ему для прокорма дружины надо бить „гусей, белых лебедей", он "обвертывается... ясным соколом" и т.д. Второй : сам акт превращения человека в кого-то или во что-то называется глаголом, характеризующим именно этот акт. Парадигма описания такова: специфический глагол плюс название тела, в которое перевоплощается герой: "обвернулся волком", "обернулся в оленя", "ударился о землю и стал такой молодец" и т.п.

Начнем со второго признака. Очевидно, что глаголы "скочи", "рыскаше" и "прерыскаше" не пригодны для характеристики акта перевоплощения человека в зверя. Вдумаемся теперь в ситуацию, когда Всеслав делает свой прыжок "лютымъ зверемъ". Князь сумел скрытно убежать от войска, потому что была полночь, и Поэт оттеняет это обстоятельство. Допустим, что Всеслав все же обернулся неким лютым зверем, чтобы сказочно "скакнуть" от Белгорода до Новгорода. Но ведь остается еще труднейшая задача - захват Новгорода. Чтобы ее решить, Всеславу мало было владеть искусством перевоплощения: киевское войско, как известно, не по-

ило с ним, а вернулось в Киев. В такой ситуации лишь подлинно сказочный герой мог найти выход из положения, моментально получив в свое распоряжение, - скажем, "по щучьему велению, по моему хотению", - боевые дружины, способные взять Новгород атакой с хода. Но подобный образ Всеслава мог вызвать у многих читателей скептическую усмешку, потому что ко времени создания "Слова" вера в подобные чудеса изрядно поизносилась.

Словосочетание "скочи... лютымъ зверемъ" еще и по другой причине сопротивляется истолкованию его в смысле "скакнул..., обернувшись лютым зверем". Дело в том, что оборотень всегда принимает образ именно того конкретного существа (предмета), которое поможет достичь поставленной цели. Иногда кажется, что из этого правила бывают исключения, но это не так.

Рассмотрим два типичных примера: один из печорского варианта былины о Вольхе, второй - из видения монаха Исакия (ПВЛ).

"Да втапоры вольIя Всеславьевич,
Учился бы въ вольнемъ море щукой ходить,
Учился бы по поднебесью птицею летать,
Учился бы по полю лютымъ зверемъ рыскати"[1].

Собирательные существительные "птицею" и "лютымъ зверемъ" употреблены тут в полном соответствии с древними представлениями об оборотничестве, в том смысле, что Вольх учился (этим словом охарактеризована ситуация) летать разными птицами и рыскать разными хищными зверями, чтобы потом, смотря по обстоятельствам,

---

1 "Печорские былины", записанные Н.Ончуковым. С.-Петербург, 1904, с.332

облекаться в такое другое тело, которое ему будет надобно.

Второй пример относится к монаху, которого бесы устрашали разными видениями: "Другогда страшахуть и въ образе медведя; овогда же лютым зверемъ, ово вълкомъ, ово змие полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ"[1]. Специфика этого текста[2] двоякая: тут перевоплощаются бесы, а не люди, и монах знает, что медведь и прочие звери - твари лишь призраки, а не реально существующие тела. Тем не менее и здесь оборотничество функционально-целесообразно: любой лютый зверь или гад, вол или змея обладают теми свойствами, которые от них требуются ситуацией: устрашают Исаакия. В ужасном скопище логично оказались обитатели подводного и подземного мира, - жабы и мыши, известные по Библии, как орудие казней божих[3] и как нечистые животные[4].

Некоторые исследователи, ощущая противоречие между средством и целью, по вдохновению интерпретируют "лютого зверя" то как "рысь", то как "волка"[5]. Но ни в образе рыси, ни в образе волка, ни в каком другом образе Всеслав не мог бы осуществить то, что ему якобы удалось сделать: за несколько ночных часов

---

1 Памятники..., с.209-210.

2 В несколько иной редакции он есть также в Киево-Печерском патерике (Памятники..., XI - нач. XII века, с.612).

3 Библия: Исх., 8:2,7.

4 Библия: Лев., 11:29, Исайя, 66:17.

5 Интересные соображения о проблематичности таких толкований высказаны В.Н.Топоровым в статье "Вокруг "лютого зверя" (Балто-славянские исследования. М., 1988, с.250).

домчаться до Новгорода и захватить его в одиночку, без дружины. Следовательно, анализируемый фрагмент не поддается непротиворечивому истолкованию, если исходить из того, что Поэт изображает здесь Всеслава оборотнем.

Истину, думается, нащупал А.А.Потебня, но не развернул своих замечаний[I]. "Лютый зверь" выпадает из стилистики "Слова", в котором звери и птицы всегда называются точными, а не метафорическими именами. Поэтому возникает мысль, что Поэт заимствовал это выражение из пародируемого сказания о Всеславе. По законам пародии Поэт сохранил в своем тексте чужое характерное определение, но символически переосмыслил его. Подобно любому свирепому ночному хищнику, рыскающему в поисках добычи, мечется и "лютый" Всеслав по Руси, стремясь осуществить свою мечту. Таков, мне думается, пародийный смысл его отождествления с "лютым зверем". Такова его дикая натура. Она и ввергла князя в водоворот междоусобицы, и погнала его прочь от Киевского "злата стола".

Много исследовательских копий было изломано в дискуссиях о семантике понятия "лютый зверь". На мой взгляд, наиболее доказательно изложил свою точку зрения В.Н.Топоров, который пришел к такому выводу: "Из предыдущего, пожалуй, можно сделать и еще одно предположение - l'utъ как-то было связано с идеей крайней воинственности, агрессивности, опасности, исходящей от субъекта этого качества. Идет ли речь о лютом звере или о лютичах, важно

I "... зверемъ нисколько не предполагает, что автор считал Всеслава оборотнем, но, быть может, опирается на народное сказание этого рода о Всеславе" (А.А.Потебня - "Слово о полку Игореве", 2-е изд., Харьков, 1914, с.124).

не столько сила и вытекающая из нее победительность того, кто élute, сколько их всегдашняя готовность к нападению к схватке, к инициативе вплоть до смертельного исхода. Поэтому, соблюдая осторожность, пока можно думать, что лютый зверь - это по идее хищный, смертоносный, "убийственный" зверь"[I]. В таком же смысле, как мы показали "лютый зверь" употребляется и в "Слове".

Вольх, так же, как и Всеслав уподобляется лютому зверю. Но поистине волшебные прыжки Вольха быстро приближают его к намеченной цели, в то время как квазипрыжки Всеслава отдаляют его от своей цели, и он, вопреки своей воле, оказывается то в тюрьме, то в плену у новгородцев. Как все мнимоподобное, образ Всеслава с каждым очередным зигзагом в его судьбе разительнее и глубже отличается от образа былинного чародея.

Девятый и десятый стихи просты и понятны; они являются авторским комментарием к якобы волшебному "скоку" Всеслава из-под Киева к Новгороду. По мысли Поэта, таинственность исчезновения Всеслава из киевских войск, объясняется тем, что была полночь, непроглядная тьма. Всеслав, похоже, всегда выбирал ночное время для своих "марш-бросков", а по утрам внезапно появлялся у ворот Новгорода или другого города, - эта мысль точно выражена в стихах "обесися сине мьгле", смысл которых передается любым вариантом перевода типа "он укрылся в синей мгле /ночи/". Разумеется, столь реалистический образ не мог быть принят исследователями, полагавшими, будто Поэт изображает здесь Всеслава волшебником. В итоге их творческая фантазия породила две версии ис-

I Топоров В.Н. - Балто-славянские исследования, М., 1988, с.253.

толкования десятого стиха: 1) повис на синем облаке"[1] и таким образом быстро, за полночи, долетел до Новгорода; 2) повесил на себя колдовской амулет, с помощью которого сделался невидимым и перенесся от Белгорода к Новгороду[2]. В обоих случаях исследователи не объясняют, каким образом домчалась к цели дружина Всеслава. Выше мы показали, что логика и сам контекст "Слова" отторгают любое колдовское осмысление его образа. Если то или иное "темное место" в "Слове" истолковывать в отрыве от его контекста и от мировоззрения Поэта, то увлечение экзегетикой незаметно переходит в увлечение лингвоэквилибристикой. Примером может служить трактовка стиха "обесися сини мьгле" А.Е.Супруном и А.А.Брудным в смысле одержимости Всеслава бесом, что в переводе на язык медицины будто бы свидетельствует об эпилептоидном характере князя. Их подход игнорирует необходимость увязки глагола "обесися" с ночной мглой и с конфликтной ситуацией в целом. Мысль о вселении беса во Всеслава предполагает к тому же такое истовое христианство Поэта, которого у него еще никто не находил, потому что оно не оставило о себе свидетельств.

Неволшебные, символико-реалистические варианты прочтения десятого стиха оказываются, на наш взгляд, наиболее убедительными.

Энергичный глагол "росшибе" в былинах о Вольхе характеризует силу его богатырского удара, от которого царь Индеи разлетелся в "крохи говённыя", а Вольх "насел" на его трон и стал прави-

---

1 ТОДРЛ, т.XXVI, с.202-212.

2 Павлик Я.В. - издание Ин-та славистики ун-та в Оденсе (Дания) серия "Отдельные темы древнерусской литературы", II, 1986, с.16-17.

телем Инденского царства. Всеслав же в результате своего "могучего" удара по Новгороду попал в плен к новгородцам, и новгородский князь из "милосердия" отпустил пленника на волю. Характерное былинное словечко "росшибе" пародийно переосмысливается в "расшиб сам себя". В нарушение эпической поэтики и в соответствии с поэтикой "Слова" глагол "росшибе" имеет прямым дополнением абстрактное понятие "слава". Из-за этого стих обретает загадочность. Вряд ли Поэт имеет в виду славу Ярослава, новгородского князя: она была не велика, а в военном отношении противоречива. Настоящую славу он приобрел позднее, - как собиратель земли Русской. Именно эта слава гремела по Руси, была силой, потягаться с которой было честью для любого князя. Всеслав же пошел поперек Ярославова пути славы, задумав взвихрить старую вражду и разбить Русь на самостийные княжества. Всеслав мечтал не превысить славу Ярослава - государственного деятеля, а расшибить ее, перечеркнуть дело его жизни. Тут и следует, думается, искать символическую "милую девицу", а также и самую глубокую причину бегства Всеслава от Киевского престола. "Милая девица" - не Киев и не Новгород, а, похоже, всенародная слава смелого борца за полную самостоятельность княжеских "гнезд", за возврат Руси в колею родоплеменных традиций времени Трояна. Решительная борьба за это и была, думается, первопричиной героизации образа Всеслава в народе, в своем большинстве продолжавшем жить по-язычески.

В заключение разбора третьего фрагмента "Слова о Всеславе" попробуем устранить с пути его последующих исследователей небольшой камень преткновения. "Скочи отъ нихъ..." означает, как видно по тексту, от Киева и великокняжеского престола. Однако

слова "от нихъ" трактуются иногда как "от киевлян"[1]. Но "киевлян" в тексте нет. И тогда делается психологически странное допущение, будто при чтении "Слова" именно в этом месте читатель должен был иметь в виду... запись в ПВЛ под 1069 годом, в которой ясно сказано, что Всеслав убежал от киевлян. Читатель волен предполагать, что угодно, но методологически неприемлемо исходить из положения, будто автор одного произведения, не являющегося переработкой другого, тем не менее пишет какую-то часть своего произведения так, чтобы она была понятной лишь при чтении соответствующего места в другом сочинении, причем в тексте первого отсутствуют какие-либо отсылки к тексту второго. Затруднение, испытываемое исследователем, понятно: "нихъ" - форма множественного, а не двойственного числа, которое здесь ожидается, потому что Киев плюс "злат столъ" = две. Форма "нихъ" могла быть по ошибке внесена переписчиком, давно отвыкшим от двойственного числа, но, скорее всего, она была в протографе. Процесс утраты двойственного числа в древнерусском языке шел уже в [redacted] XП веке, а в XШ-XIУ вв. "прежние формы двойственного числа в массовом порядке уступали место соответствующим формам множественного числа"[2]. Понятно, что на более ранней стадии утрата двойственного числа должна была происходить не при любых, а только при особо благоприятных условиях. Думается, именно такой случай история сохранила в "Слове о Всеславе".

I Д.С.Лихачев - "Слово о полку Игореве" и культура его времени", Л., Худ. лит-ра, 1978, с.99. Большинство специалистов обходят это коварное место стороной.

2 А.М.Иорданский - "История двойственного числа в русском языке", Владимир, 1986, с.207.

Нет нужды доказывать, что в пародии главный смысловой уровень второй, а не первый. На втором же уровне в нашем воображении возникает не Киев и "злат стол", а киевляне. Но почему же всюду в пародии грамматические согласования идут по первому уровню, а только здесь – по второму? Думается, у Поэта были веские основания для "искажения" морфологического правила. Напиши он "отъ него" (Киева) или от "нань" (Киева и "злат стола")-и критическая пародийность текста была бы ослаблена или даже сведена на нет: "отъ него" означает от Киева как от географического пункта, "отъ нань" – от Киева и киевского престола как от будто бы главных ценностей для Всеслава. Когда же указывается на тайное бегство от киевлян, то акцентируется безнравственность, предательство Всеслава по отношению к людям, спасшим его от тюрьмы и посадившим его на киевский трон, предательство, одним из самых тяжелых последствий которого была учиненная сыном Изяслава казнь 70 киевлян за их поддержку Всеслава. Д.С.Лихачев прав, истолковывая "них" как "киевлян", однако его аргументация не представляется мне убедительной.

6. Всеславу не миновать было решающего сражения с Ярославичами. И вот зимой 1067 года их пути скрестились на берегах небольшой речки Немига.

15. На Немизе снопы стелють
головами,
16. молотять чепи харалужными,
17. на тоце животь кладуть
18. веють душу оть тела
19. Немизе кръвавe брезе

20. не болотомъ бяхуть посеяни,

21. посеяни коостьми

русьскыхъ сыновъ.

Мы снова видим резкую смену стиля и жанра повествования. Пародийный уровень текста исчез, потому что исчез предмет пародии, - образ Всеслава. До сих пор он был единственным героем, двигателем сюжета, все глаголы описывали его действия, каждое слово текста прямо или косвенно изображало его. И вдруг речевой и образный строй круто переменился, пародийная стилизация под эпос уступила место символико-реалистической стилистике, а предметом изображения стало массовое взаимоистребление русичей на Немиге. Его неверно было бы назвать битвой или сражением или любым другим словом, так или иначе выражающим активные военные действия участников с обеих сторон: трагедия на Немиге изображена так, что все в нее вовлеченные представлены жертвами, - беззащитными, безгласными жертвами. И потому ее вернее всего было бы назвать бойней или закланием.

Вглядимся в текст и мы увидим, с помощью каких художественных средств достигается такое восприятие и осмысление трагедии на Немиге.

Участники трагедии (они не названы, следовательно, не различены, уравнены) отождествлены со снопами, их головы - с колосьями, тела павших - с обмолоченным зерном, а их души - с половой, легкой оболочкой зерна, отделяемой от него ударом цепа и отвеиваемой ветром. Из двух компонентов тождества в тексте называется один, второй же должен быть домыслен читателем, что ему сделать нетрудно, так как за основу отождествления взяты хорошо знакомые реалии сельского труда, характеризующие обмо-

лот и посев зерна[1]. Домысливающий читатель - пусть по подсказке Автора, - все равно включается в сотворчество с ним. Вне отождествления оказываются ратники - молотильщики. В сельском труде - это крестьяне, но мы не можем отождествлять их с воинами, которые уже с первого стиха отождествляются с неодушевленными предметами (снопами и т.д.). Тут-то и возникает вопрос, кого же представляет себе Автор в роли молотильщиков на поле брани. Кто обмолачивает булатными цепами колосья-головы людей, отнимает у них жизнь и разделяет душу с телом? Неназванные Силы, - о них надо говорить во множественном числе, потому что этого требуют все глаголы, характеризующие их действия. Мощь Неназванных Сил громадна, что видно из сопоставления удара булатного цепа с полнейшей беспомощностью колоса (головы).

Мысленно соизмеряя мощь Ратных Молотильщиков с ничтожно малой силой сопротивления, оказываемого им воинами-снопами или колосьями, читатель приходит к мысли о сверхъестественных Силах, выполняющих труд этих Молотильщиков. В их темной власти оказываются и души павших, насильственно отделенные от своих физических воплощений в момент великого, зверского озлобления и потому не подготовленные к посмертию в сообществе с душами просветленными. Отождествление омраченных душ с половой имеет негативный оттенок, так как полова в жизни селянина означала либо малоценную "голод-

---

I С чьей-то легкой руки давно прижилось в сочинениях о "Слове" отождествление оригинального образа "битвы-молотьбы" с образом "битвы-жатвы", который затем прямёхонько возводится к библейскому источнику. В "Слове" вообще нет образа "битвы-жатвы".

ную" добавку к пище скота, либо (в хорошие годы) бесполезную, ненужную лузгу, которую гноили в поле или сжигали. Не означает ли это отождествление, что по языческой вере, - в отличие от душ людей, погребенных по обряду, - омраченные души людей, погибших в озлоблении против своих, не смогут оказывать полезной помощи живым родичам?

Погибая, зёрна и люди не исчезают бесследно, но возрождаются в ином естестве: семена - в зеленых ростках, а посеянные кости в ... Тут читателю предлагается самому представить себе всходы от самосева смерти на кровавых берегах Немиги, названного Поэтом "не бологомь", то есть "не добром". Известно, кто сеет зло, зло и пожнет.

Но кто же этот страшный Сеятель? Все те же Неназванные Силы, которые ранее были Молотильщиками голов. Для русича-христианина эти Силы были воплощены в Дьяволе и его слугах, для язычника - в злых духах, пособниках войн (два названы в "Слове" - Обида и Лжа), а, главное, в образе бога междоусобной войны Трояна, под знаком которого воевал Всеслав, на тропу которого через сто с лишним лет ступил отправившийся в сепаратный поход князь Игорь.

Поэт уподобляет посев зерна посеву костей не только в том очевидном совпадении, что весной и осенью, на фоне черной земли белые кости, подобно зеленям, хорошо видны, но и в символическом смысле. Кости, напоминая живым о междоусобной бойне, прорастают, словно недоброе семя, в сознании людей, а затем в их действиях всходами новой междоусобицы, дающей новый самосев смерти. Следовательно, с объективно-исторической точки зрения, когда видится не одна только данная война, а их длинная цепь, уходящая

в прошлое и будущее, глубоко оправдано уподобление самовозобновляющихся междоусобных войн ежегодно повторяющимся видам крестьянского труда, - молотьбе и севу. И там, и тут страдная пора, от итогов которой зависит будущая жизнь людей, с теми принципиальными различиями, что в мирном труде крестьянина творится общее благо и в душах зреет добро, в то время как в ратном труде усобиц сеется общее зло, а в душах копятся обиды, лжа и месть, что зеленые всходы посеянного зерна поддерживают и умножают силы народа, а белые, мертвые "всходы" костей истощают и губят эти силы, в конечном счете обрекая народ на поражение и рабство от внешних врагов. Символический образ этих "всходов" вносит в общую систему отождествления ратного и сельского труда важное разграничение между ними, на основе которого и выявляется замысел Поэта.

Когда Поэт устремляет мысль читателя в будущее, на всходы Зла, посеянного "немигами", победа или поражение теряют свое значение: ведь свои убивают своих на радость общим врагам, на горе родному народу. Богатыри, особо отличающиеся в междоусобных войнах, более других множат число жертв и потому, понятно, не могут быть прославлены или причислены к героям. Кроме того, с метаисторической точки зрения (она, как мы видим, не чужда Поэту), охватывающей прошлое и будущее междоусобных войн на Руси и включающей в эти войны Неназванные Силы, богатыри и князья видятся всего лишь желанной добычей Темных Сил, обмолачивающих удалые, но неразумные головы "рускыхъ сыновъ"[I], словно колосья

I Заметим попутно, что словосочетание "русские сыны" относится к воинам Киевской, Черниговской, Переяславской и Полоцкой зе-

на току. Понятно, почему Всеслав с точки зрения Поэта должен был затеряться безвестным снопом в кровавом хаосе Молотьбы на Немиге.

В эпическом сказании такое отношение к главному герою совершенно немыслимо. Несмотря на отдельные неудачи, эпос продолжает прославлять его, восхищаться его доблестью и силой. Если же в сказаниях[9] Всеслав уподоблялся непобедимому Вольху Всеславьевичу, то логикой развития образа героя подсказывалось либо умолчание о битве вообще, либо умолчание о разгроме Всеслава на Немиге и такое описание битвы, которое придавало бы ей эпический характер борьбы равных сил. Но умолчание умолчанию рознь. В эпосе никто не будет отыскивать каких-либо отдельных, конкретных несоответствий или упущений сравнительно с действительной историей. Эпические жанры имеют иные критерии истинности. Другое дело "Слово о полку". Оно насквозь исторично, "замешано" на известных читателю действительных событиях.[10] Поэтому умолчание воспринимается тут как нарочитость, как желание Автора намекнуть на что-то, что существует в подтексте и что проявляется посредством исторической подсветки в воспринимающем сознании читателя, тем самым вписываясь дополнительным смыслом в его понимание текста.

Символический смысл в описании битвы на Немиге имеет также и употребление грамматических времен. Посев междоусобных войн сделан давным-давно ("бяхуть посеяни"), и с тех пор самоис-

---

(продолжение сноски со стр.80)мель. Этот бесспорный факт - неотразимый аргумент в споре с исследователями, которые считают, что "Русская Земля" в "Слове" означает лишь Киевскую Русь в узком смысле слова.

требление русичей идет нарастающими закономерными циклами. Поэт – живой свидетель этого страшного процесса. Потому-то он и употребляет настоящее время (praesens historicus) для описания Молотьбы на Немиге, соотнесенные как с 1067, так и с 1185 годом – годом создания "Слова".

В раздумьях о поражении князя Игоря и о будущей судьбе Руси прошлое как злоба дня вошло в проекцию настоящего и будущего. Немига, Нежатина Нива, Стугна, Каяла – разные постановки все той же самой русской трагедии, более ста лет движущейся по порочному кругу, и вместе с тем грозные симптомы ее перерастания в "Стон Русской Земли" от "победных" нашествий врагов. Увы, большинство князей не вняли предостережениям мудрых современников, не усвоили уроков самой истории, а пошли по дороге Всеслава Полоцкого, которая и привела Русь к Калке и к чужеземному игу.

В художественном отношении пародия есть спор её Автора со сказателями о принципах отображения жизни, а описание трагедии на Немиге – продолжение этого спора другими средствами: Поэт показывает примером, как и насколько иначе изображает он сам эту трагедию. Ее символико-реалистический образ, созданный Поэтом, как бы передается на окончательный суд читателя: пусть он и решит, чей образ трагедии вернее и полнее передает ее суть. Точно так же поступил Поэт и во вступлении к "Слову о полку Игореве", сопоставив свое изображение подготовки Игоря к походу и начала похода с изображением этих событий в духе Бояна.

x x x

В заключение главки – краткий теоретический комментарий к нашему анализу.

"Пародия может заключать в себе различную направленность или даже совмещать несколько направленностей... Однако разоблачение одной тематики или идейной сущности произведения без обращения к его художественным средствам не будет еще пародией... Поэтому необходимо отличать литературную пародию от литературной сатиры, не пользующейся средствами пародийного воспроизведения художественных особенностей пародируемого оригинала...

Литературная пародия... является одной из форм художественной критики. Пародия вырастает из критики и продолжает ее средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого... Приведение к абсурду художественных средств разбираемого автора является своеобразным критическим доказательством...

Пародия зависит от пародируемого объекта. Она... отражает действительность. Только действительностью для нее является само искусство (и опосредованно, добавим мы, - объективная реальность. - А.К.). Поэтому пародию можно определить как искусство второго отражения... (точнее было бы, думается, сказать "двойного отражения", т.е. отражения пародируемого объекта и объективной реальности - А.К.). Но пародия не просто отражает, а преломляет и "искажает". Характер этого "искажения" определяется позицией пародиста и объективным содержанием произведения, которое иногда и приобретает решающее значение...

Нынешний читатель старой литературной пародии уступает ее современникам в остроте, силе и свежести восприятия. Пародия уже не задевает его непосредственно и меньше смешит... Историческое восприятие пародии требует некоторой тренировки и литературных познаний... пародия... указывает на непригодность старых средств художественного мышления, ...провожает насмешливым

свистом отжившие произведения эпигонов. Пародия не столько убивает, сколько добивает, что уже подточено самим временем"[1].

И еще немного о древнерусской пародии:

"Древнерусские пародии относятся к тому времени, когда индивидуальный стиль за очень редкими исключениями не осознавался как таковой. Стиль осознавался только в его связи с определенным жанром литературы...

В целом пародировался не общий характер стиля в нашем смысле слова, а лишь запоминавшиеся выражения. Пародируются слова, выражения, обороты, ритмический рисунок, мелодия. Происходит как бы искажение текста. Для того, чтобы понять пародию, нужно хорошо знать или текст пародируемого произведения, или "формуляр" жанра.

Древнерусский смех - это смех "раздевающий", обнажающий правду..."[2].

7. Прежде, чем перейти к следующему фрагменту, необходимо разобраться с принципиально важной композиционной особенностью "Слова о Всеславе".

После изображения битвы на Немиге Поэт возвращается к Киевскому периоду в жизни Всеслава (22-29 стихи), о котором уже шла речь в 3-6 стихах. Разумеется, писатель волен в выборе форм и способов художественного освещения истории, но каждый выбор пре-

---

I Александр Морозов - "Русская стихотворная пародия", вступительная статья к тому "Русская стихотворная пародия", с.6-10, изд-во "Советский писатель", Л., 1960.

2 Д.С.Лихачев - "Смех в Древней Руси", в кн. Д.С.Лихачев "Избранные работы", т.2, с.351, 352, 357.

следует какую-то цель, определяется замыслом произведения. В "Слове о полку" есть композиционный прием, во многом аналогичный тому, который мы разбираем сейчас. Рассказ о главной битве русичей с половцами разделен на две части, между которыми помещено воспоминание Поэта о войнах Олега Гориславича и о сражении на Нежатиной Ниве. Смысл такой композиции давно проанализирован в ряде исследований "Слова": воспоминание – [redacted] поэтическая иллюстрация к походу Игоря в свете истории междоусобиц на Руси. Благодаря этой кольцевой композиции битва русичей с половцами осмысливается в единой исторической цепи междоусобных раздоров как ее неотъемлемое, хотя и своеобразное звено.

События, помещенные внутрь композиционного кольца, дают дополнительное, истинное освещение смысла того, что с ними соприкасается вне кольца. Это наблюдение вполне приложимо и к рассказу о киевском княжении Всеслава, построенному по кольцевому принципу. Понятно, что конкретное смысловое поле, охваченное композиционным кольцом, в "Слове о Всеславе" во многом иное, а это не может не влиять и на общие выводы.

В "Слове о Всеславе" историческая последовательность событий разрушена, превращена в пространственно-временной хаос, в кавардак. Здесь нелепица сменяет нелепицу. Семимесячное княжение Всеслава в Киеве не просто разделено на две части, – как в рассказе о битве русичей с половцами, – а разорвано на два куска таким образом, что каждый характеризует все княжение от начала до конца, а в огромный разрыв между кусками помещены события из жизни Всеслава, происходившие до и после его княжения в Киеве в течение двух с лишним лет. Разумеется, писатель вправе построить повествование и так, и совсем иначе, – в этом еще нет

ничего веленого. Абсурдность композиции создается тем, что Поэт не поясняет своего вмешательства в ход истории и тем повергает читателя в недоумение, то ли автор не знает, как все было на самом деле, то ли перемешивает события с какой-то прямо не названной целью.

В кавардаке событий есть такой мифологический переплет: время, подобно Волхову, перегороженному чудищем, вдруг потекло вспять, а пространство сместилось с запада на восток, - Всеслав захватывает Новгород (конец 1066 г. или начало 1067 г.) после своего бегства из-под Белгорода (весна 1069), а не в завершение похода, начатого в Полоцке, - как было на самом деле. Разумеется, это вовсе не кавардак в голове школьника от плохого знания учебника истории, а композиционный шоковый удар, принуждающий читателя остановиться и поглубже вдуматься в текст, сравнить его со сказаниями и с действительным ходом событий. Этот кавардак - композиционный гротеск, обнажающий мыслимое лишь в эпосе столь произвольное обращение со временем и пространством.

Поэт опустил из биографии Всеслава приблизительно 18 мес., - весь период от Немиги до его провозглашения киевским князем. Важнейший период, охватывающий события ("переговоры" с Ярославичами, пленение и заключение Всеслава в темницу), без которых невозможно верно понять "прыжок" Всеслава на главный престол Киевской Руси. Были ли эти события известны Поэту? Несомненно, - порукой тому его точное, глубокое знание истории Руси, не единожды доказанное исследователями "Слова". В таком случае как объяснить пропуск именно этих событий? Ведь логика дегероизации Всеслава вела Поэта к тому, чтобы он впечатляюще препод-

нес читателю бесспорные факты, опровергающие молву о сверхъестественных способностях полоцкого князя. Почему же он не сделал этого? Он был связан внутренним законом пародии, строящейся, как известно, на принципе критического, мнимого подражания пародируемому произведению (автору, его стилю и т.д.). Для автора пародии нежелательно и невыгодно добавлять в ее сюжет от себя какое-либо событие, отсутствующее в пародируемом произведении. Но разве можно утверждать, что в сказаниях о Всеславе, которых мы не читали и не слышали, не было указанных выше трех событий или какого-либо одного из них? Да, можно утверждать, опираясь на то, что всякому жанру присущи свои законы, что всякий жанр избирательно отражает действительность. Героическому сказанию о князе-волшебнике противопоказаны, как смертельный яд, события (факты), способные сами по себе взорвать этот жанр изнутри, например, показать, что Всеслава легко можно было обмануть, что он не волшебник и не оборотень, ибо не смог ни убежать от Ярославичей, ни вырваться из темницы и т.д. Именно такими "ядовитыми" были три события, о которых идет речь; к тому же они составляли цепь, из которой невозможно вычленить и описать отдельно никакое звено, даже нейтрально окрашенное приглашение Всеслава на переговоры, - вычленить так, чтобы не возникла обличающая препараторов истории мысль о его преднамеренном изъятии и о существовании других, пропущенных звеньев. Исторический писатель оказывается в подобных случаях перед дилеммой, - умолчание о фактах или любимая идея. Из двух зол выбирается, конечно, то, которое представляется меньшим (для сказаний им были исторические факты).

Летописец, столкнувшись с упрямыми фактами, пошел, как было показано выше, по другому пути, - по пути их истолкования в духе

христианской идеи. Поэт же, верный самому себе, - петь по правде своего времени, а не по своему усмотрению, - избрал третий путь, путь восстановления свидетельских прав исторических фактов. Подход Автора "Слова" потенциально нес в себе критические заряды как против языческого, так и против христианского искривления правды о Всеславе, хотя заряды различной силы. Летописец и Поэт отчасти были союзниками (объективно), потому что оба боролись с влиянием образа Всеслава на умонастроение народа. Оно было значительным, опасным в последней четверти XII века, что подтверждается пародией Поэта на волшебно-героический образ полоцкого князя. Этим же влиянием объясняется, на мой взгляд, выбор жанра пародии, широко известного простым людям по пародийным былинам и другим смеховым формам народной культуры.

События, выпавшие из "Слова о Всеславе", оставались, однако, в поле зрения Автора. Композиционный каварлак побуждал недоумевающего читателя вспоминать исторические факты, сопоставлять их со сказаниями и приходить к мысли, что пропускаются как раз те события, которые ясно показывали, что Всеслав - не герой, не волшебник, а просто смертный человек. Особенно сильное впечатление на читателя должен был, думается, произвести пропуск 14-месячного темничного заключения Всеслава. Если в сказаниях, которые по своей жанровой специфике не настраивают на соотнесение эпических событий с историческими, пропуск мог пройти незамеченным, то в "Слове" он бросался в глаза и воспринимался бы как сокрытие правды, если б этот упрек пародия не переадресовывала сказаниям.

8. Второй рассказ о киевском княжении Всеслава, значительно длиннее первого:

22. "Всеславъ князь
людемъ судяше,
23. княземъ
грады рядяше,
24. а самъ въ ночь
вълкомъ рыскаше,
25. изъ Киева дорискаше до куръ
Тмутороканя,
26. великому Хърсови
вълкомъ путь прерыскаше.
27. Тому в Полотске
позвониша заутреню
28. рано у святые Софее
въ колоколы,
29. а онъ въ Киеве
звонъ слыша".

Пародия снова вступает в свои права. Композиционный кавардак нарастает. Спрямляя путь своего героя, сказители "проглатывают" время, - драматичнейшая 18-месячная полоса в жизни Всеслава изымается из истории во имя "торжества" любимой легенды. Но под пером Поэта, следующего за сюжетом сказания (ний), пропуск превращен в зияющую пустоту, из которой вопиет История о невозможной нелепости "скачка" Всеслава через нее, о слепом эпигонстве сказителей[I], плавно-"незаметно" переходящих от князя-жертвы, князя-снопа под булатными цепами [redacted] Молотильщиков

I Летописец, заметим, не стал тут на путь выветривания истории.

к князю-герою, к князю – верховному судье над русичами и верховному "благодетелю" для других, младших князей. Вся сюрреалистичность происходящего создается лишь компоновкой частей, которую можно назвать коротким замыканием, вспышкой смысла, высекшегося от невероятного стыка белых костей на берегу Немиги с величественным лбом князя Всеслава – вершителя человеческих судеб. Пародия явно набрала гротескную остроту. Всеслав в стихах 22-23 противопоставлен самому себе (стихи 24-26). Не абсурдно ли это? Ответ зависит от точки зрения на Всеслава. Противопоставление нелепо, если вслед за Поэтом и летописцем мы не увидим во Всеславе ничего сверхчеловеческого, и оно естественно для сказителей и тех, кто верит в его оборотническую премудрость, кто мирно совмещает в своем сознании образ дневного Всеслава – киевского князя, с образом неведомого ночного Всеслава-оборотня. Более того, по мифологическим верованиям сущность единого во множестве обличий колдуна-оборотня проявлялась именно в его тайных воплощениях, что отразилось и в "Слове" акцентом на словах "а самъ". Это, разумеется, не означает согласия Поэта с таким пониманием образа Всеслава, но служит поэтической мысли трамплином для новых насмешек над устарело-наивным возвеличиванием полоцкого князя.

Немалый критический заряд заложен в 26 стих. Его смысл, как правило, понимается неверно из-за произвольного истолкования глагола "прерыскаше" как "перегонял, обгонял". Но в древнерусском языке он такого значения не имел. "Прерыскати" значит "пересекать, перебегать путь"[1]. Смысл стиха, вполне ясный современникам Поэта, станет понятен и нам, если мы вникнем в представление ру-

---

1 Срезневский И.И. – "Материалы для словаря древнерусского языка", т.II.

сичей о круговом движении Солнца над Землей с востока на запад (днем) и с запада на восток (ночью, под неподвижной и плоской Землей), а затем посмотрим на карту и представим себе путь Всеслава от Киева к Тьмуторокани и обратно, то есть с севера на юг и с юга на север. Всеслав, очевидно, много раз перебегал Хорсу путь, и потому в стихе употреблен глагол многократного действия. Любой, кто пешком или на коне, ночью или днем двигался из Киева в Тьмуторокань и обратно, обязательно пересекал путь Солнца, - для этого, разумеется, не надо было "скакать", как Вольх. Но народная фантазия легко, я бы сказал, с любовью создает небылицы и дорожит ими.

Был или не был в действительности поход на Тьмуторокань? Как в былине о Вольхе описывается вымышленный поход на некое отдаленное (это важно для возвеличения героя) царство, так и в сказании о Всеславе поход на Тьмуторокань вполне мог быть чистым вымыслом, предназначенным для показа его волшебных "подвигов-скоков" до самой далекой оконечности Руси. Ведь в отличие от Всеслава сказочный, былинный герой отправлялся в поход не просто так, а ради выполнения великой задачи. У Всеслава же вообще нет никакой цели, ни эпической, ни практической, - и это Поэт показал, - а потому его ночной "скок" к Тьмуторокани оказывается пустохвальным, как и его мнимое соревнование в скорости бега с самим Хорсом. Что у Вольха органично, - у Всеслава якобы как у Вольха, мнимо. Само пристрастие к ночным "скокам" у Вольха обусловлено его таинственным рождением под знаком Луны, а у Всеслава оно ни на чем не основано. Оно, видимо, приписано ему сказительской фантазией в подражание Вольху. Всеслав ни днем, ни ночью не совершает никаких подвигов.

В стихах 27-29, завершающих повествование о великом княже-

нии Всеслава, Поэт снова заглядывает в его внутренний мир, - лет пять спустя после того, как Всеслав, очертя голову, бросился в омут междоусобной войны. Интонационный и смысловой акцент в стихах сделан на утверждении, что Всеслав, сидя князем в Киеве, слышал звон полоцких колоколов. Тут явно ощущается ирония над фантастическим слухом князя, так как очевидно, что на удалении в 700 км колокольный звон не доносился до Киева. Вместе с тем в этот звон вложен более значительный смысл, раскрыть который помогает ранее встречавшаяся в "Слове" амебейная композиция стихов[I]. Ее суть - в параллелизме, в том, что в нашем воображении совмещаются два разновременных события, - их слитное целостное восприятие всегда выражает взволнованное состояние души героя. Всеслав княжил в Киеве, но он неотступно думал о Полоцке, сердцем как бы слышал доносившиеся оттуда звоны-зовы. Вполне возможно, что ему и в самом деле посвящались утренние богослужения в полоцкой Софии. Смысл подобных богослужений обычно таков: почтение к князю и призыв к покаянию. Вести об этом, конечно, доходили до Всеслава и резонировали в его душе как мощный зов вернуться на Родину, что он и сделал, убежав из-под Белгорода в Полоцк. С колоколами полоцкой Св.Софии в душе князя были, несомненно, связаны сильнейшие переживания: всего два года назад эти колокола по его распоряжению были сняты с новгородской Св.Софии и доставлены в Полоцк. Поэт прозрачно (для своих современников) намекает на этот святотат-

---

I "Комони ржуть за Сулою - звенить слава въ Кыеве" или "Ступаеть въ златъ стремень въ граде Тьмуторокане, - тот же звонъ слыша давныи великыи Ярославль..."

2 Муравьев А.Н. - "Письма о богослужении", Париж, 1963.

ственный поступок Всеслава, побуждая читателя задуматься над ним. Приверженец старой веры безоговорочно одобрил бы его, если бы новгородские колокола были разбиты или брошены в Волхов, словом, погублены. Но Всеслав снял их для того, чтобы привезти в Полоцк и там повесить на колокольне храма Св.Софии, - этот факт ставил староверца в тупик. Разве внутренняя противоречивость поступков Всеслава не свидетельствует об отсутствии у него веры как в языческих богов, так и в Христа? Последнее утверждение может породить известные сомнения: ведь слух Всеслава был открыт для восприятия колокольного звона. Однако Поэт не зря подчеркивает, что полоцкий князь слышал полоцкие колокола; тем самым обращается внимание читателя на то, что киевские колокола он не слышал, хотя жил в это время в Киеве[I]. Но возможно ли быть христианином в Полоцке, неверующим в Киеве и врагом христианской веры в Новгороде? Внутренняя фальшь подобного "христианина" очевидна. Но кто же он, по мнению Поэта?

Отрицательные определения Поэта: [redacted] не христианин, не эпический герой, не волшебник, не оборотень. Положительные определения: мятежник-самостийник, фанатик, поставивший свою жизнь и свою судьбу на карту ради любимой мечты - разбить славу Ярослава Мудрого, успешно продолжившего объединение восточносла-

---

I Д.С.Лихачев (Избранные работы, Л., изд-во "Художественная литература, т.2, с.184) полагает, что Всеслав слышал колокольный звон, сидя в земляной тюрьме. Аргументов в защиту своего мнения Д.С.Лихачев не приводит, хотя самоочевидным оно не является. Как раз более всего оно нуждается в обосновании с точки зрения самого Д.С.Лихачева, считающего, что Автор "Слова" изображает Все-

вянских племен в мощное государство и в единое христианск сообщество, расширить свои владения до внешних границ расселения кривичей, вернуть Полоцкому князю верховную власть во всех делах, раздробить Русь на самовластные княжества. Всё это и было жизненной целью Всеслава или, говоря символически, той милой его сердцу девицей, "женитьба" на которой была предопределена ему жребием, судьбой. Он осуществил свою мечту, и последние 20 лет жил тихо, не вмешиваясь в дела других княжеств.

9. Итоговая оценка Всеславу дана в следующих стихах:

30. Аще и веща душа
въ дръзе теле,
31. нъ часто беды страдаше,
32. Тому вещей Боянъ и пьрвое
33. припевку смысленыи рече:
34. ни хытру, ни горазду,
ни пытьцу горазду
35. суда божия не минути.

Оценок, как мы видим, две: первая, посмертная, от Поэта, вторая, прижизненная, от Бояна. Они различны и по содержанию, и по форме. Их сближает лишь то, что обе характеризуют Всеслава не как князя, полководца или воина, а как человека. Правда, и тут между ними есть существенное различие: вывод Поэта сделан так, что в него умещается вся бурная жизнь полоцкого князя, вывод же Бояна подчеркнуто сосредоточен на христианской догме о

(продолжение сноски со стр.93)

слава волшебником-оборотнем: зачем Всеславу столь неприятные условия для слушания полоцких колоколов, если он может, как Вольх, муравьиком вылезти из тюрьмы и убежать в Полоцк?

подсудности каждого человека Богу.

Синтаксис высказывания самого Поэта повторяет синтаксис второй части повествования о великом княжении Всеслава (стихи 22-26). Размышляя по аналогии, мы вправе предположить, что снова противопоставляются не две части суждения Поэта, а оно само - суждению слагателей сказаний. Так ли это? Ответ зависит от истолкования союза "аще и" в 30 стихе. Почти все исследователи понимают "аще и" как союз со значением "хотя", присоединяющий уступительное придаточное предложение к главному. С этим нельзя не согласиться, но в стихах 30-31 есть еще один смысловой нюанс, сообщаемый им всем контекстом "Слова о Всеславе" и до сих пор во внимание не принимавшийся. При значении "аще и=хотя" получается, что Поэт соглашается с тем, что у Всеслава была вещая душа, а, соглашаясь, впадает в противоречие с самим собой, со своим образом полоцкого князя. Образовался логический тупик.Но, думается, выход из него есть. Союз "аще и" имел, похоже, еще одно значение уступительности , с которым мы встречаемся сегодня в полемических текстах или в спорах-дискуссиях. Это значение можно приблизительно передать частицей "пусть" в смысле временной уступки оппоненту, но лишь затем, чтобы следующим суждением, дающим сильный аргумент против оппонента, взять уступку обратно. Тогда стихи 30-31 истолковывались бы так: Допустим, что вещей была душа Всеслава, но известно как часто страдал он от бед, и, значит, каждому понятно, что этого не было бы с ним, будь его душа вещей в самом деле. Если союз "аще и" прочитывается в значении "пусть; допустим, что", то итоговый стих не вступает в противоречие с авторским образом Всеслава. В противном случае мы оказываемся в безвыходном положении. Заметим кстати, что хотя пародирование эпического образа Всесла-

ва закончилось на 29 стихе, но спор со сказителями продолжался, естественно, до конца, и не мог не отразиться в итоговой характеристике Всеслава.

Прочтения "аще и" в значении "пусть; допустим, что" требует и 3I стих: частые, – и, как мы видели по ходу пародии, – неожиданные бедствия не обрушиваются на того, у кого вещая душа, – это убеждение было свойственно современникам Всеслава. Вспомним, к примеру, как новгородский князь Глеб доказал свою правоту в споре с волхвом[I], мнимым вещуном-самохвалом, не сумевшим предсказать даже то, что случилось с ним секунду спустя после его уверения всех о своем вещем даре.

С дискуссией вокруг образа Всеслава связан вопрос об истолковании эпитета к слову "тело" в 3I стихе. Я хотел бы привести новый аргумент в пользу прочтения этого эпитета как "дръзе"= дерзкое: а не как "друзе"=другое. "Друзе" противоречит представлению русичей о взаимоотношении души и тела. Они верили в то, что душа у человека всегда одна и та же. Такой же остается она и после смерти. Вот почему мы нигде не найдем следов того, что колдуны-оборотни являются исключением, что, значит, в теле Всеслава-князя была не вещая, а Всеслава-оборотня – вещая душа. При поправке "дръзе" на "друзе", следовательно, допускается мысль о религиозном невежестве Поэта. Таким он, конечно, не был. Поэтому ему не надо было ломиться в открытую дверь, акцентируя эпитет "другой" и тем самым подчеркивая связь "вещей" души Всеслава именно с "другим", то есть с оборотническим телом. Эпитет "дерзкий" точно характеризует, может, главную особенность излишне самоуверенной натуры Всеслава и, кроме того, не содержит в себе намека на его "двоедушие".

I Памятники..., с.I94.

Заключая наш анализ, предлагаем новый объяснительный перевод 30-31 стихов: "Пусть вещей /была/ душа (допустим-предположим, что сказители правы, называя душу Всеслава "вещей"), но она (он) часто страдал (а) от бедствий (допущенная в споре уступка снимается не критиком-Поэтом, а самим фактом страданий души (души и тела) Всеслава от частых и неожиданных бед, фактом-выводом, опровергающим посылку о вещей душе).

Концовка "Слова о Всеславе" от имени Бояна представлялась мне ранее позднейшим добавлением[I]. Теперь я полагаю: I) что она вполне могла быть, поскольку полемика Поэта со сказителями распространялась, вероятно, и на Бояна, с которым он таким образом продолжал спор, начатый во вступлении к "Слову", 2) что Боянова языческая концовка была правщиком грубо переиначена на христианский лад. Она вполне могла быть оставлена Поэтом как иллюстрация к его спору со слагателями героико-волшебных сказаний о Всеславе, чтобы читатель сам мог судить, кто из двух знаменитых поэтов прав, Боян или Автор "Слова". Ныне, спустя 800 с лишним лет после создания "Слова", невозможно установить, что из оставшихся стихов могло принадлежать Бояну, что искажено до неузнаваемости или вовсе ему не принадлежало. Легче сказать, что ему ни в коем случае не следует приписывать, - исходя из тех "песен" под Бояна, репрезентативные образы которых Поэт дал в начале "Слова". Разумеется, целиком исключается 35 стих, потому что вещий Боян был, по словам Поэта, "внуком Велеса", языческого бога "песнетворчества", а не последователем христианских гимнографов. Громоздкий синтаксис "припевки" изобличает руку правщика-переписчи-

I Гений..., с.133.

кама, взявшегося не за свое дело, равно как и сугубо книжный эпитет "смысленый", что было доказано еще В.Н.Перетцом[I]. К тому же Поэт, тонкий стилист, ставит этот эпитет, будто бы не чувствуя грубого стилевого разнобоя, рядом с традиционно-языческим эпитетом "вещей", который одновременно (!) прилагается как к "христианину" Бояну, так и к осуждаемому им колдуну Всеславу. Беспомощное повторение в одном стихе эпитета "горазд" - такое можно еще встретить в посредственной былине, но не у гениального Бояна. Заметим кстати, что "припевка" могла быть частично сочинена им, а частично взята Поэтом из какого-либо пародируемого сказания, к которому, скорее всего, и относились синонимичные эпитеты "хытру-горазду", немудреные, но типичные для устно-поэтического творчества[2] и чуждые Поэту. Все содержание высказывания приписываемое Бояну, исчерпывается назидательной христианской поговоркой[3], взятой в текст почти без изменений и, думается мне, сравнительно поздней по происхождению.

IO. Всеславу, кроме "Слова" о нем, Поэт посвятил еще несколько стихов. Напомним их читателю (подчеркнуты мною. - А.К.):

Единъ же Изяславъ,
сынъ Васильковъ,

I Перетц В.Н. - "К изучению "Слова о полку Игореве". IУ. Эпитеты в "Слове о полку Игореве" и в устной традиции", ИОРЯС, т.XXX. Л., I926, с.485.

2 Селиванов Ф.М. - "Поэтика былин", изд-во МГУ, I977, с.I02.

3 Вл.Даль - "Пословицы и поговорки", т.I, с.24.

позвони своими острыми мечя
о шеломы литовские,
притрепа славу
деду своему Всеславу,
а самъ подъ чърлеными щиты
на кръваве траве
притрепанъ литовскыми мечи".

Второй пример (и последний)

II

Ярославли и вси внуци Всеславли!
Уже понизите
стягы свое,
вонзите
свое мече вережени;
уже бо выскочисте
изъ дедней славы.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганые
на землю Рускую, на жизнь Всеславлю.
КоторОю бо беше насилие
Отъ Земле Половецкые.

Эти стихи предшествуют "Слову о Всеславе", готовя читателя к его верному восприятию.

О какой же славе Всеславе идет речь в элегии об Изяславе и в обращении к князьям-внукам? Попробуем в этом разобраться.

В элегии (как и в обращении) слава Всеслава рассматривается ретроспективно, десятилетия спустя после его смерти (1001 г.). Для Автора "Слова" это – прошлое время, но более близкое, чем "седьмой век Трояна", то есть шестидесятые-семидесятые годы XI века. Поскольку понятия "дед" и "внук" употребляется здесь, как и всюду в "Слове", в переносном значении "основатель, начинатель" и "продолжатель", постольку нижней хронологической границей княжения внуков, правнуков и праправнуков Всеслава можно принять 30-е, а верхней – 70-е годы XII века. Следовательно, от поры активных военных действий самого Всеслава события, описанные в элегии и обращении, отделены примерно шестьюдесятью-ста годами. Точнее определить время внуков пока невозможно, так как науке неизвестен ни князь "Изяслав, сын Васильков", ни его трагическая битва с литовцами.

Трагедия идет по пятам за самонадеянным стремлением князей захватить себе всю славу и всю власть. "Западная" элегия об Изяславе столь же жестоко поучительна, как и "восточная" повесть об Игоре. Изяслав один, оставленный даже братьями, выступил против литовцев, мечтая приумножить славу своего деда Всеслава, который также один боролся всю жизнь против других русских князей. И что же? Если Всеславу, хотя и проигравшему свои главные битвы, все же всегда, так или иначе, везло, и ему удавалось спастись, казалось, от неминучей смерти, то внуку Изяславу выпал печальный жребий: мечи литовцев навсегда отделили его буйную голову от тела. Но почему же Поэт не напоминает о том, что против внешних врагов, торков, Всеслав ходил не один, а вместе с другими старшими князьями Руси? Всеслав сам перечеркнул этот поступок, объявив войну Ярославичам; к тому же в походе против

торков, судя по летописям, Всеслав не стяжал себе славы. Во всяком случае ко времени его внуков за Всеславом сохранялась, по свидетельству Поэта, лишь слава мятежного князя, в одиночку бросившегося в безнадежную, казалось, борьбу против могущественного союза Ярославичей, однако, в конце концов, счастливо (для себя) завершившего ее обособлением Полоцкого княжества от Киевской Руси. Этой славе, как мы полагаем, и следовал, увы, слепо, Изяслав, не хотевший или не умевший принять в расчет ни усиления внешних врагов, [redacted] после смерти Всеслава, ни раздоров между собой его сыновей и внуков. Элегия об Изяславе показывает, что время былинных богатырей минуло, что родину нельзя защитить от внешних врагов, борясь с ними в одиночку, а не совместно с другими князьями.

Некоторые исследователи, эксплуатируя недостаточно ясный смысл редкого глагола "притрепати", толкуют выражение "притрепа славу" как "умножил славу". Контекст и здравый смысл восстают против такого понимания. Однако вряд ли верно прямолинейно, только исходя из смысла стиха "притрепанъ литовскыми мечи", переводить глагол "притрепати" глаголом "погубить", как это делал когда-то и я[1]. Все же надо в бо́льшей мере принять во внимание тонкое наблюдение С.Гординьского и других исследователей, показавших несомненную связь корневой основы, древнерусских глаголов "потрепати" и "притрепати" со звучанием, в частности, с приятным, ласкающим слух звоном женского украшения, - золотых или серебряных подвесок (трепиток). И тогда в начальных стихах элегии явственно обозначится ниспадающий звукоряд славы Всеслава,

---

1 Гений..., с.240.

представленный словами, позвони – притрепа – притрепани. Если в этих глаголах ощущать оттенки звона, как ощущал их, по-видимому, современник Поэта, то стихи в целом приподымаются в художественном отношении и полнее вписываются в поэтику "Слова". И то, и другое можно почувствовать в нашем новом переводе, который мы предлагаем здесь вниманию читателя:

Один ведь Изяслав,
                Васильков сын,
ударил со звоном
мечами острыми по литовским шеломам,
протрезвонил славу
                деду своему Всеславу,
но литовские мечи ему самому
отзвонили конец
на кровавой траве, под червлеными щиты.

В целом получается существенно иной смысл фрагмента, чем тогда, когда "притрепа славу"... переводится как "погубил славу..." Строго говоря, славу деда погубить невозможно, она навеки останется неизменной; мысль же Поэта, думается, в том, что эта слава не стала достоянием "внуков", не стала их славой.

Совсем об иной славе Всеслава идет речь в обращении ко внукам. Её содержание проясняется в стихах, следующих за укором внукам в том, что их дела разошлись с дедовской славой – "Вы бо своими крамолами" и т.д. Смысл, противоположный укору, состоит, очевидно, в том, что Всеслав не приводил "поганых" на Русскую землю, – и этим был славен среди других князей, подавляющее большинство которых обращалось в борьбе за власть и за наследство к вооруженной помощи половцев, печенегов, венгров и других чу-

иноземцев. Внуки Всеслава, увы, не унаследовали и этой его славы. Напротив, приводя "поганых" на Полоцкую землю, они сами способствовали подрыву ее силы и расхищению ее богатств, - во всё возрастающих масштабах.

Разумеется, субъективно Всеслав не виноват в том, что его внуки не смогли продолжить его добрую славу. Однако объективно, - как показано в "Слове о Всеславе", - он несет за это огромную историческую ответственность. Все дело в том, что важнейшая причина, породившая бесславное время внуков и продлевающая его в будущее, - междоусобицы князей, - была усилена [redacted] Всеславовой трояновой политикой, [redacted] Всеслав был решительным, но, увы, недальновидным политиком. Им владели страсти, первой среди которых была жажда всей полноты власти. Дерзкая самоуверенность, питавшаяся поддержкой непросвещенных слоев народа, заменяла ему мудрое предвидение гибельных последствий борьбы за "девицу себе любу", только себе, без учета желаний народа Руси и интересов [redacted] государства в целом. Всеслав не осознавал объективной взаимосвязи, выразительно подчеркнутой Поэтом в стихах:

Которою бо беше насилие
Отъ земле Половецкие.

Если б он мог воскреснуть во времена внуков и посмотреть на плоды своего мятежа против Ярославичей, то его взору предстала бы удручающая картина:

Уже бо Сула не течеть
Сребреными струями

къ граду Переяславлю,

и Двина болотомь течеть

Онымъ грознымъ полочаномъ

подъ кликомь поганыхъ.

У. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Мы надеемся, что открыли для взгляда читателя новые связи и аспекты осмысления образов Всеслава и Вольха Всеславьевича.

I. Во второй половине XI - начале XII веков были созданы два летописных образа полоцкого князя Всеслава Брячиславича: киевский образ язычника по рождению, со временем ставшего образцовым христианином, и новгородский образ язычника по рождению и по своим нехристианским поступкам. [illegible] д, В летописях нет ни единого штриха, который хотя бы намекал, что князь был колдуном, оборотнем или что он обладал какими-либо сверхъестественными способностями.

2. "Слово о Всеславе" - не эпос, а пародия на волшебно-героический образ Всеслава, разоблачительная острота которой подчеркнута [redacted] трагической микроповестью о побоище на Немиге. Этот образ был типичен для эпических сказаний о Всеславе, одно из которых, возможно, принадлежало Бояну. Они не дошли до нас, но об их существовании непреложно свидетельствуют летописный фрагмент о рождении Всеслава, а также ключевые слова, композиция повествования о Всеславе, изображение в нем времени и пространства, формирующие второй, неявный уровень прочтения и восприятия "Слова о Всеславе" в символических мыслеобразах.

Понимание сложной жанровой природы, а, значит, и стилисти-

ки "Слова о Всеславе" дает ключ к объяснению искажений истории как приема гротескной композиции и к осмыслению алогизмов и внутренних противоречий текста как мнимых или привнесенных исследователями.

3. В "Слове о полку Игореве" (1185) воплощены два художественных образа Всеслава: авторский, символико-реалистический, и пародируемый, волшебно-героический образ, - в его наиболее характерных особенностях, репрезентативно представляющих эпические сказания о Всеславе.

4. Поэт показал Всеслава в единстве светлой и темной сторон его души и натуры. В середине 60-х годов темное начало возобладало, и Всеслав бросил все свои силы на борьбу за самовластие княжеств, против создания единого феодального государства. Он показан в "Слове" как двигатель, как символ мощного оживления междоусобиц и разрушения Киевской Руси изнутри.

Авторский образ Всеслава - "быль" его времени, полная правда о нем. Именно этим он принципиально, методологически отличается от идеологизированных, односторонних образов Всеслава, - как от обоих христианских ликов, так и от языческого изображения.

5. Волшебно-героический, традиционно-эпический образ Всеслава был построен на двух основах, - на его уподоблении былинному герою-"хитрецу" Вольху Всеславьевичу и на тенденциозно-выборочном изображении его княжеской деятельности. Пародируя этот образ Всеслава, Поэт посредством мысленного сопоставления с подлинной историей времени Всеслава и подлинным былинным Вольхом вскрывает антиисторичность эпического образа Всеслава и несостоятельность его уподобления образу Вольха.

6. Мы не обнаружили следов влияния летописных, христианских образов Всеслава ни на его образы в "Слове о полку", ни на былинный образ Вольха. Утверждение, будто Всеслав Полоцкий послужил прототипом для образа Вольха Всеславьевича, не имеет под собой никаких оснований.

7. Нет оснований также и для предположений о влиянии былинного образа Вольха на летописные образы Всеслава и на его авторский образ в "Слове". Судя по отражениям в пародийном зеркале, образ Вольха был прототипом, а, может, и моделью для героико-волшебных образов Всеслава в не дошедших до нас эпических сказаниях о нем.

Александр Косоруков.

14 декабря 1992 г.